

Польско-шведская война 1621-1623 годов Осада Риги

*Мальбрук в поход собрался, конь был его изрень.
Бог весть когда вернется, авось в Троицын день...
Романс конца XVIII века*

*Осады и взятие неприятельских мест делают нас владельцами их земель, а фортификация способствует нам к удержанию оных во владении...
Себастьян де Вобан, маршал Франции*

Слуги дьявола и мельница истории

Начнем, как это ни странно, не с историографии, а с кинематографии. Звучит парадоксом, - хотя осада Риги шведской армией Густава II Адольфа в 1621 году практически не привлекла внимания отечественных историков, огромное количество граждан бывшего СССР, особенно те, кому сейчас за пятьдесят, знакомы с ней по фильму Рижской киностудии «Слуги дьявола» режиссера Александра Лейманиса (премьера 1971 года.)

Историко-приключенческий костюмный боевик под музыку молодого композитора Раймонда Паулса, повествующий о трех веселых друзьях, бравых защитниках родной Риги от шведского генерала Свенссона, и их верных подругах имел просто рекордный прокат. Этот советский блокбастер посмотрело добрых полста миллионов советских кинозрителей и, видимо, немало зрителей зарубежных, что значительно превышает успех, скажем, оscarоносной картины «Москва слезам не верит». Воодушевленные рижане тут же залудили продолжение - «Слуги дьявола на Чертовой мельнице», впрочем, довольно бледное. Конечно, история в сценарии Яниса Анерауда по романам Рутку Тева и не ночевала, являясь лишь «гвоздем» для приключенческой картины. Что, в общем-то, совершенно понятно.

С тех пор прошли немалые года... Где теперь Рижская киностудия, где ее режиссеры, сценаристы и знаменитые на весь Союз актеры? Где ее необъятная аудитория? И все-таки - фильмы снимаются, прокатываются, забываются, а история остается. Скажем прямо – если бы не телесериал про трех мушкетеров, кто-нибудь у нас узнал бы об осаде Ла-Рошели?

Автору этих строк, который смотрел «Слуг дьявола» в раннем отрочестве, а в последнее время занялся изучением войн Швеции с Речью Посполитой в XVII веке, вдруг однажды стало любопытно: а что же тогда на самом деле с Ригой произошло? История данного второго после Пскова опыта осады мощной крепости великим королем-полководцем Густавом Адольфом показалась настолько занимательной, что побудила к некоторым изысканиям в доступных польских, шведских, латвийских и финских исследованиях этой войны, оказавшихся весьма многочисленными и интересными. Результат работы - довольно беглое журнальное описание забытого эпизода малоизвестного у нас столкновения двух соседних государств за Балтику на территории бывшей советской республики, автор и хотел бы предложить просвещенному и заинтересованному читателю.

Предыстория конфликта

Противоборство Речи Посполитой и Королевства Швеции, или, как его прозвали в польской истории, «Война двух Ваза», началось в Лифляндии (Ливонии, Инфлянтах.) С 1582 года она являлась совместным владением двух унитарных государств - Королевства Польского (Короны Польской) и Великого Княжества Литовского, захваченным в соперничестве с Россией после распада Тевтонского (Ливонского) Ордена в конце XVI века. Тогда же польскому королю Стефану Баторию покорился и ранее вольный ганзейский город Рига, заключивший с ним Дрогичинский договор. В свою очередь, Швеция овладела в 1561 году Северной Эстляндией с островом Даго (Хийумаа), к Дании отошел Эзель (Сааремаа.) Самый большой обломок Ордена стал вассальным Речи Посполитой светским герцогством Курляндским и Семигальским, которым стал править бывший наместник великого магистра в Ливонии Готтхард фон Кеттлер и его наследники.

С начала XVII века Лифляндия становится ареной длительной 30-летней борьбы держав за балтийские порты и право на шведский трон, который тоже кое-чего стоил. Не слишком вдаваясь в историю вопроса, напомним, что это право король Польский и Великий князь Литовский католик Сигизмунд III Ваза (1566 - 1632), сын короля Эрика XIV и Катаржины Ягеллонки, ставший также королем Швеции и Финляндии согласно личной унии в 1592-1599 годах, оспаривал у своего дяди-кальвиниста герцога Карла Седерманландского, с 1695 года регента-наместника, с 1598 года полновластного правителя, с 1604 года провозглашенного риксдагом наследственным королем Швеции, официально коронованного в 1609 году Карлом IX (1550-1611).

Династический спор вступил в вооруженную стадию в мае 1598 года,

когда король Сигизмунд, высадившись со своим войском в Швеции, попытался вернуть себе страну, захваченную вышедшим из повиновения дядей-регентом. Началась междоусобица. В качестве властителя будущей единой суперимперии Сигизмунд III не состоялся. Герцог Карл убедил народ и верхи, которые его тоже сильно не любили за методы правления, что польский король намерен учинить католическую контрреформацию, ограничить права сословий и использовать шведов и финляндцев в своих военных авантюрах. Сенат, риксдаг, протестантское дворянство, духовенство, города и свободные крестьяне в массе поддержали регента.

После всяческих перипетий сторонники и войска Сигизмунда в сентябре того же года были разбиты у Стонгебру. Племянник вынужден был заключить с дядей соглашение, по которому он подтверждал свои гарантии шведским подданным при вступлении на трон, обязался выдать на расправу беглых сенаторов и ретировался в Польшу. Практически это было низложение. Попытка высадки в Финляндии также не имела успеха. В 1599 году риксдаг предложил Сигизмунду отдать трон Швеции его малолетнему сыну Владиславу при условии принятия принцем евангелического вероисповедания, но тот отказался. (Вспомним, что на условиях принятия православия московский трон королевичу предлагали и московские бояре.) В итоге наследственным королем Швеции в 1600 году риксдаг избрал герцога Карла, с 1604 года — Карла IX.

Повод для нового выяснения родственных отношений нашелся в начале того же года, когда Сигизмунд объявил занятую шведами Эстляндию, полосу земли вдоль Финского залива, своим владением, завещанным ему отцом Эриком XIV. В ответ энергичный и агрессивный Карл собрал войско и вторгся в Лифляндию.

Однако военное счастье изменяло непризнанному поляками и литвинами королю Швеции от одной кампании к другой. В первой польско-шведской войне 1600-1611 годов немногочисленная литовская конница неоднократно одерживала победы над полчищами шведов, решая исход сражения одним ударом, сбивая на флангах рейтар и окружая наемную пехоту.

Войска Карла Гюлленхельма, побочного сына герцога, были наголову разбиты полковником Мацеєм Дембиньским в январе 1601 года под Венденом (Цесис), потом великим гетманом литовским Кшиштофом Радзивиллом «Перуном» в июне 1601 года под Кокенгузенем (Кокнесе), а затем польным гетманом литовским Яном - Каролем Ходкевичем в сентябре 1604 года под Вейссенштейном (Пайде) и Дерптом (Тарту).

Настоящим триумфом оружия Речи Посполитой стала битва в сентябре 1605 года под Кирхгольмом (Саласпилс) близ Риги, где 2,4 тысячная конница при 1 тысяче пехоты и 4 пушках гетмана Ходкевича просто уничтожила

собранные на субсидии от Бориса Годунова огромное 11-тысячное войско самого Карла, потерявшего только убитыми, по разным оценкам, от 6 до 9 тысяч. Оставшиеся в живых, включая легко раненого в спину шведского короля, в панике по морю и по суку бежали от осажденной ими Риги.

Литвины уже громили шведов на море! В марте 1609 года, взяв Пернов, гетман Ходкевич использовал захваченные там иностранные торговые суда, внезапным нападением брандеров на порт Салисбург (Салацгрива) заставив шведский флот ретироваться из гавани с потерями двух судов и базы снабжения. В сентябре того же года гетман разбил графа Мансфельда при реке Болдер-Аа (Гауя) и вынудил его оставить Дюнамюнде (Даугавгрива) в устье реки Дюна (Даугава, Дзвина, Западная Двина.)

При этом свои виктории Ходкевич одерживал почти без поддержки короля и сейма, занимая средства у магнатов, так как в это время Речь Посполитая по инициативе Сигизмунда увязла в московской авантюре с Лжедмитриями, осадой Смоленска и «царем Владиславом». Жолнежи то и дело расходились из-за неплатежей, что не позволило реализовать результаты побед и сбросить шведов в Финский залив. А после заключения перемирия в 1611 году гетмана послали деблокировать окруженный ополчением Минина и Пожарского польско-литовский гарнизон Кремля, как Манштейна под Сталинград, причем примерно с тем же результатом.

В октябре 1611 года, во время Кальмарской войны с Данией, король Карл IX скончался. Его сын, 16-летний Густав Адольф, возложил на себя корону Швеции, которая стала для Сигизмунда окончательно недостижимой - во главе северной державы встала фигура, сопоставимая по личности и масштабам деяний с Петром Великим и Наполеоном Бонапартом. Унаследовав после отца разоренную страну и три войны, Густав уже успел повоевать и с датчанами под Кальмаром, и с русскими под Псковом, где получил свою первую рану. Рядом с ним в первом же бою с конными псковичами был насмерть «стрелен из самопала в голову» сам фельдмаршал Эверт Горн. Там же, в лагере у Снеготорского монастыря, Густав приобрел и первый, оказавшийся неудачным, опыт осады мощной крепости, и понимание необходимости военных нововведений.

20-летнее перемирие с Речью Посполитой, заключенное после смерти старого короля, было прервано в 1617 году королем молодым. Развязав руки на востоке заключением Столбовского мира с Россией, 23-летний Густав Адольф с молодым задором захватил Пернов и Динамюнде, создал угрозу Риге, взял благодаря измене воеводы Фаренсбаха ряд крепостей и замков. Боевые действия шли с переменным успехом, однажды шведской коннице даже удалось разбить литовскую в бою местного значения. Но срочно прискакавший из-под

Москвы с малым войском 32-летний польный гетман литовский Кшиштоф Радзивилл огнем и мечом прошелся по Эстляндии, вернул почти все территориальные потери и показал дерзкому юнцу, у кого в Инфлянтах сабли острее, а копьё длиннее. Провалилась попытка создания против Речи Посполитой коалиции с участием Швеции, Англии, Голландии и Дании.

Так как ни войск, ни денег у Литвы и Польши, истощенных тяжелой войной с Московским государством, не было, как впрочем, еще менее было их у Швеции, стороны вынуждены были в 1618 году пойти на Тольбургское перемирие. При этом Пернов, важный незамерзающий порт на берегу Рижского залива, в результате дипломатической оплошности литовской стороны все-таки остался за Швецией. Договор имел интересный пункт - обязательство сторон предупредить о намерении объявить войну за три месяца (!)

Внешнеполитическая обстановка

В целом летом 1621 года она весьма благоприятствовала Швеции. Дания была старым ее соперником за господство на Балтике и земли Скандинавии, ей принадлежали южное побережье полуострова, Готланд и Эзель. Однако Речь Посполитая не имела с этой протестантской державой военного союза, к тому же Кристиан IV не спешил ввязываться в противоборство с северным соседом – у его южных границ разгоралась Тридцатилетняя война

Густав Адольф, показавший себя недюжинным дипломатом, активно предпринимал подходы к протестантским вассалам Речи Посполитой, - Бранденбургской Пруссии, Курляндии, Данцигу, Лифляндии, всячески стремясь отколоть их от сюзерена и перетянуть на свою сторону, причем не без успеха. Польский воевода Фаренсбах сдал шведам Ливонию в 1617 году, правда, успев вовремя покаяться и переметнуться обратно к Сигизмунду. Курляндский герцог Вильгельм был с почетом принят в Швеции. Династический брак Густава Адольфа с дочерью курфюрста Бранденбургского Иоганна Сигизмунда Гогенцоллерна Марией-Элеонорой Бранденбургской стал важной дипломатической победой.

Ее брат, электор Прусский и курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм Гогенцоллерн, так и не выступил на стороне Польши. Все время польско-шведской войны 1621-1629 годов он лавировал между двумя сражающимися у его границ и даже на его территории державами, будучи вассалом одного короля, а шурином другого. Такая политика позволила герцогству и сохранить формальную верность Польше, и не подвергнуться оккупации Швецией, предоставив ей в пользование некоторые порты.

В качестве так сказать, лирического отступления - ради прусской принцессы молодой Густав покинул свою давнюю возлюбленную, фрейлину двора графиню Эббе Браге. Девицу срочно выдали замуж за героя московского «анабасиса», ближайшего сподвижника короля, 35-летнего фельдмаршала, губернатора и графа Якоба Делагарди, Ему она родила в супружестве 14 детей, из которых выжило шесть, один из них в будущем станет канцлером, а брат графини Нильс Браге спасет жизнь короля в деле при форсировании Вислы у Кеземарка и станет фельдмаршалом.

Впрочем, в этой любовной драме, как и в несчастливом браке с некрасивой и стервозной пруссачкой, не подарившей ему сыновей, статный, красноречивый и жизнелюбивый Густав Адольф утешался еще не раз, пользуясь у прекрасного пола огромным успехом, - число его побед на этом фронте далеко превышает военные.

Но вернемся к большой европейской политике. В молодом просвещенном шведском короле, который инкогнито посетил Германию в 1620-1621 годах (причем не только с целью вступления в династический брак, но и для ведения дипломатических и военных переговоров и найма войск), протестантский мир увидел защитника веры и свободы от имперских полчищ и контрреформации.

Северогерманские княжества и города, Соединенные Нидерландские Провинции, а также Англия стали оказывать экономическую, военную и моральную поддержку единой Швеции, так как она отвлекала Сигизмунда III от вмешательства в европейскую войну на стороне имперско-католических сил. Такая опасность была реальной. Король Польский Сигизмунд был женат на сестре римского кесаря Анне Габсбургжанке, а когда она скончалась, император Фердинанд быстро предоставил вдовцу ее сестру Констанцию. Католический лагерь, Ватикан и орден иезуитов, который имел на короля большое влияние, всячески поощряли его претензии на трон, Сигизмунд содержал «правительство в изгнании» и неустанно засылал в Швецию эмиссаров, пытался пригласить для отвоевания престола войска имперцев, датчан и даже испанский флот.

В то же время большинство польско-литовских магнатов было крайне недовольно как самим королем, так и его попытками сблизиться со Священной Римской империей и вмешаться в европейскую войну на ее стороне (Мнишек и князь Вишневецкий сначала готовили Григория Отрепьева на замену не Годунову, а Сигизмунду.) По той же причине и вероятность, что сейм разрешит королю просить войска у Фердинанда, была крайне мала.

Король Густав Адольф, в свою очередь, опасался вмешательства в войну Москвы с целью взять реванш за потери Столбовского мира. Невероятный, но теоретически возможный союз Сигизмунда и юного царя Михаила

Феодоровича (а вернее, фактического правителя страны его отца патриарха Филарета) сделал бы победу шведов весьма сомнительной. Однако уже после начала осады Риги губернатор Карелии и Ингерманландии Флеминг привез королю верное известие, достойное пожалованных ему за это имений – московиты вступать в конфликт не собираются. Российское государство, еще не оправившееся от вселенского разорения "Смутного времени", надолго выбыло из борьбы за Балтику.

В то же время ослабление Польши и Литвы было только на руку России, собиравшей силы для возвращения Смоленска и «украинных земель». В конфликте соседей она вскоре начала поддерживать Густава Адольфа по принципу "враг моего врага мой друг" (еще Карл получал от Годунова военные субсидии!)

Своего рода неформальными союзниками «шведского падишаха» оказались турки и татары. 7 октября 1620 года польское войско было уничтожено под Цецорой в Молдавии, пал в битве великий гетман коронный Станислав Жолкевский, его голову водрузили на пикет перед походным шатром султана Османа Второго. В плену оказался польный гетман коронный Станислав Конецпольский. Катастрофа грозила нашествием басурман на Украину, Речь Посполитую, казалось, ожидала страшная участь Византийской империи, царства Болгарского и королевства Венгерского.

Поэтому шведскому королю пришлось изрядно постараться, чтобы сохранить благородное лицо в глазах иностранных дворов и «мирового общественного мнения» при возобновлении войны против «сторожевой башни Европы», ведущей священную борьбу с главным врагом христианства. Апеллируя посланиями и открытыми письмами к коллегам-государям и «широкой международной общественности», Густав доказывал, что войну ведет за законное право на престол и в защиту земель, ему принадлежащих. И возобновилась она только после того, как его мирные инициативы были отвергнуты, а внятных предложений от польского короля, просто тянущего время до замирения с османами, не поступило (при этом оскорбительные письма Густаву от его кузена Сигизмунда поступают по-прежнему, а в польских владениях ходят издаваемые шведскими эмигрантами в Данциге и Риге памфлеты и сатиры!)

Какая агрессия? Это дело королевской и рыцарской чести! И если Густав II Адольф ее не защитит, то будет выглядеть перед всем светом самозванцем и сыном узурпатора, жалким герцогом Седерманландским, бастардом, не пойми кем! А что Рига с Ливонией... Да они просто по пути лежат! А что турки? Да ни при чем здесь турки! И все-таки, как пишет биограф Густава Андерс Фрюкселль, «за сделку с дьяволом король не смог избежать злейших

упреков...»

Таким образом, Густав Адольф вместе с его старыми советниками и сподвижниками, королевским канцлером Акселем Оксиеншерной (1583-1654) и героем похода в Московию эстляндским генерал-губернатором Якобом Делагарди (1583-1652) заранее одержал первую победу, дипломатическую, еще до начала военных действий. Был выбран весьма удачный момент для агрессии, при этом противника, лишённого союзников и занятого войной на юге, ударили в самое слабое место.

Речь Посполитая накануне войны

«Золотой век» двуединой шляхетской империи-республики уже клонился к закату, на пороге стоял ее кризис. Главными «окнами в Европу» для государства были Данциг и Рига. Через них экспортировался польский, литовский и русский хлеб, другое важное сырьё, импортировались западные товары, пополняя казну пошлинами, а шляхту обеспечивая предметами роскоши, пряностями и заморскими винами - три четверти импорта составляли эти статьи.

Постепенно страна «села на сырьевую иглу». Растущий импорт качественной европейской продукции привел к упадку ремесел и вообще национального третьего сословия, переставшего играть какую-то политическую роль. Основную массу ремесленников и торговцев в городах и местечках постепенно стали составлять пришлые немцы и евреи. Экспортные фольварковые хозяйства разоряли хлопков. Дукатов у магнатов в сундуках было много, но, как говорил Бисмарк, «процветает не страна золота, а страна железа».

Усиление налогового пресса не повышало доходов казны. То и дело вспыхивали крестьянские и казацкие восстания, нарастали социальные и национально-религиозные противоречия, распри магнатских партий между собой и с королем, боровшимся за усиление своей власти. В стране, где монарх царствовал, но не правил, ограниченный сеймом с его «либерум вето», усиливались феодальная анархия («шляхтич с саблей на коне с воеводой наравне», «в своем огороде равен воеводе».) Все более проявлялся паразитизм правящего класса.

Воинственные «сарматы» превращались в мирных сельских хозяев либо в клиентов магнатов, не желающих нести военные тяготы в пользу государства. Это не могло не сказаться на состоянии вооруженных сил. Данную тенденцию хотя и зло, но довольно точно подметил в Польше конца XVI века политический изгнанник князь Андрей Курбский: «Яко слышат варварское

нахождение, так забьются в претвердые грады, и воистину смеху достойно вооружившись в зброи, сядут за столом с кубками, да бают фабулы с пьяными бабами своими, а из врат градских идти не хотяще, аще и перед самым местом або под градом сеча от басурман на христиан была...» Это субъективное мнение вовсе не означает, что славное былыми да и будущими победами польско-литовское войско было таким уж плохим или же недостаточно большим, что Речь Посполитая оскудела храбрецами — рубаками и славными полководцами, а ее конница перестала быть лучшей в Европе.

Дело в том, что вооруженные силы государства по самой своей природе не могли быть собираемы на долгий срок, и их славным гетманам оставалось лишь побеждать в войне одной битвой. Однако новые времена потребовали «умения бегать на длинные дистанции», другого уровня стратегического планирования, военной организации и военной экономики, создания армии нового типа в согласии с наступившим веком военной революции.

Армия эта должна была быть национальной, массовой, постоянной, набранной из рекрутов, дисциплинированной и вымуштрованной, преданной своему королю, регулярно снабжаемой и финансируемой, с надежным тылом и развитым военно-промышленным комплексом. Она должна иметь подготовку по новейшей голландской системе, отработанное взаимодействие родов войск, многочисленную пехоту, способную вести частый мушкетный огонь, регулярную кавалерию - тяжелую, легкую и драгун, маневренную полевую артиллерию, должна уметь осаждать и брать крепости и быстро возводить полевые укрепления.

Занимая город за городом, везде закрепляясь фортециями, такая армия должна действовать на территории противника, двигаясь от победы к победе, снабжаясь захваченными ресурсами и завоевывая своему государю новые земли, а не разоряя свою страну (концепция «тотальной войны» Густава Адольфа.) Для того, чтобы воевать с такой армией, нужно было иметь подобную. Гусарского удара в копы было уже недостаточно...

В недостатке было и многое другое. В этой войне поляки и литвины вновь подтвердили свою репутацию отличных бойцов, не имеющих современной военной организации. «Шляхта», «шляхтич» происходят от немецкого «шлахт» - битва и «шлахтер» - боец, воин. Однако в 9-миллионной стране, раскинувшейся от Познани до Смоленска и от Риги до Запорожской Сечи, где каждый десятый (!) житель принадлежал к рыцарскому сословию, никак не могли набрать достаточные для обороны границ и подавления мятежей вооруженные силы.

«Квартовое» постоянное войско, содержимое на четверть доходов с королевских имений, было весьма невелико (2-4 тысячи), численно уступая

войскам некоторых магнатов, и в полном составе обороняло Украину. Редко собираемое «посполитое рушение» показывало низкую боеспособность и дисциплину. Наемная армия военного времени («компут») численностью от 20 до 30 тысяч человек требовала огромных расходов, которые вводимые сеймом налоги не покрывали. В каждой войне жолнежи отказывались воевать из-за неплатежей, устраивая забастовочные «конфедерации», а списочный состав никогда не сходился с фактическим. В лучший год, а это именно 1621 год с двумя войнами одновременно и созывом посполитого рушения, выставлялось тяжелой рыцарской конницы числом не более 8 тысяч гусар и не более 2 тысяч рейтар, обычно число такой кавалерии в войнах 20-х годов не превышало 3 тысяч.

Значительную часть рыцарства составляла «загоновая», «застянковая» шляхта, все имущество которой состояло в дедовской сабле, а имение - в четырех стенах. Она была неспособна собрать на войну даже самих себя, а не то что не имеющуюся у нее в наличии «челядь». Такие шляхтичи становились клиентами, то есть политическими сторонниками, «электоратом» могущественных магнатов и богатых панов на сеймах и сеймиках, их прихлебателями, подручными и телохранителями, иногда товарищами и почтовыми в их личных хоругвях и почтах. Другие просто рыцарями большой дороги, завсегдатаями шинков, где кто-нибудь да нальет. Привлекать эту безлошадную публику в пехоту было бесполезно – служить пешим гоноровому шляхтичу было унижительно, да на войне и убить могут. Рекрутировать же массовую постоянную армию из крестьян и мещан, увеличить число реестровых казаков, вручив тем самым угнетенному народу и вечно мятежному «козацтву» в руки оружие, правящий класс не решался.

Пехота, в большинстве иноземная, - немецкая, венгерская и шотландская, была относительно шведской просто малозначительна. Национальная польско-литовская наемная «заценжная» пехота («гайдуки»), была еще меньше и еще слабей, как и немногочисленные «выбранцы», «лановые», крестьяне-даточные военного времени, взятые с королевских владений, которые против вымуштрованных шведских солдат были просто небоеспособны. Не случайно в те годы кварталный «жолд» иноземных пехотинцев (36 злотых) был в два раза выше, чем у польских, а избранцам не платили вообще.

Артиллерия и инженерные войска обычно играли в сражениях вторые и третьи роли, не получая должного развития, держались в основном на иностранных специалистах. Сооружать полевые укрепления польские жолнежи не любили и плохо умели. Военную революцию в Европе гордая былыми победами Речь Посполитая просто не заметила. Армии и военные системы

соседей и вообще последние достижения военной науки толком не изучались за отсутствием офицерских школ и академий. Отдельные передовые представители шляхетства знакомились с зарубежным опытом, поступая на службу к западноевропейским государям.

Существовала завышенная оценка своей кавалерии, особенно гусарии, неоднократно побеждавшей шведов, московитов и татар, и заниженная – сил противника. Даже в высших военных кругах распространено было мнение, «нидерландские фортели» шведы копают, страшась благородного боя в чистом поле.

Развитию собственного военного флота не придавалось значения, несмотря на то, что порты страны были беззащитны перед стремительно растущим флотом Швеции.

Подготовка Речи Посполитой к войне

Эта глава скорее о том, как к войне готовиться не надо. Дорогое время было бездарно потеряно. Основные силы коронных и литовских войск были заняты на Украине, после катастрофы под Цецорой всем стало не до Лифляндии. Был объявлен крестовый поход в защиту христианства, и чрезвычайный ноябрьский сейм 1620 года постановил до сентября следующего 1621 года призвать для войны с турками и татарами силу несметную: 37 тысяч «компутовых», то есть наемных войск, 27 тысяч войск магнатов и посполитого рушения, до 40 тысяч казаков и 1,5 тысяч «выбранцев», - всего более 106 тысяч конницы и пехоты. Однако Литве выделялись «ставки жолда» всего-навсего на 1 200 гусар, 500 рейтар, 200 казаков и 1 000 пехотинцев, хотя ее плановый «компут» военного времени составлял 8 тысяч.

Оплатить ратный труд огромной армии за счет новых налогов было заведомо нереально, благодаря руководящему вмешательству короля начался организационно-финансовый хаос, отслужившим срок частям не могли заплатить, новые нанять, пушки пришлось срочно занимать у запорожских казаков. Государство отдавало долги войскам еще два года после окончания Хотинской войны. Тем более денег не осталось для второстепенного направления — Инфлянт. Налоговое задание сейма 1620 года будет выполнено Литвой только к 1623 году, уже после окончания войны. Однако грянувшее падение курса злотого, следствие огромных военных расходов и потери Риги, съело большую часть сборов. Финансовые потери Речи Посполитой составили колоссальную сумму, - более 40 тонн серебра. Вся же турецкая война обошлась одному лишь Великому Княжеству в 3,5 миллиона злотых.

Имевшее в сейме сильные позиции украинское лобби магнатов

тревожилось прежде всего о безопасности своих земель. У бедных литвинов и лифляндцев такого лобби не было (зато была влиятельна партия кальвинистов, выступавшая против войны с Швецией.) Угроза с юга была оценена адекватно, но опасность с севера недооценили.

В октябре 1620 года срок перемирия с Швецией истек, надвигался новый этап распри, что после Цецоры было крайне невыгодно Речи Посполитой. В конце года в Ревеле начались мирные переговоры, которые вел королевский комиссар Иоганн Плеттенберг, а с шведской стороны - эстляндский генерал-губернатор фельдмаршал граф Якоб Делагарди. Однако возможность дипломатического решения или хотя бы продления срока перемирия не реализовали, в то время как мира очень желали бы обе стороны. За отказ кузена от трона Швеции Густав многое бы отдал, однако переговоры Сигизмунд продолжал с единственной целью — затянуть время до заключения мира с Турцией, что стало очевидно.

Да и возможно ли было мирное соглашение, если в его тексте польско-литовские представители не имели права титуловать Густава II Адольфа королем Шведским? Весь период его правления и на протяжении 28 лет после гибели в сражении при Лютцене, до 1660 года, когда король Ян Казимир по Оливскому миру окончательно отказался за себя и за своих наследников от шведского трона и снял именование королем Швеции в своем титуле, все в Речи Посполитой должны были именовать Густава «князем Седерманландским!»

В нарушение постановления ноябрьского сейма 1620 года, которое предписывало держать в Лифляндии сильное войско в случае военной угрозы, Сигизмунд, забыв римскую истину «Хочешь мира — готовься к войне!» не принял мер к обороне края, - дескать, пока ведутся переговоры, делать это рано. Слепо уповая на соблюдение противником условий Тольбургского перемирия, в марте 1621 года он писал польному гетману литовскому князю Радзивиллу: «У нас остаются три месяца перед объявлением войны, и нести расходы нам прежде времени не следовало бы...»

Переговоры в Ревеле, зайдя в тупик, 26 мая (6 июня)1621 года были прерваны обеими сторонами, но Густав Адольф выставил виновными в том поляков и заявил о намерении волей-неволей продолжать войну. (Троцкого там не было, а то он бы посоветовал: «Ни мира, ни войны, а армию распустить!») Таким образом Сигизмунд, ставя свои личные династические интересы выше интересов государства, довел дело до войны.

Король упорно не принимал во внимание неоднократные предостерегающие послания гетмана, во весь голос взывавшего: «Ганнибал у ворот!» А шведы машину мобилизации «запрягали» очень долго — май, июнь,

июль, так что скрыть их приготовления от дипломатических агентов и рижских купцов было невозможно. Как говорят военные теоретики: «Мобилизация — это война!» Уже олени в лапландской тундре о ней знали, но не польский король.

Рига и Лифляндия со страхом ожидали к вторжения. В июле, за три недели до войны, Радзивилл писал Сигизмунду из Вильно: «Одни паны инфлянтские ко мне послы и письма каждый день шлют, об опасности знать дают и защиты просят, другие просто с женами и детьми уходят, на меня не надеюсь...»

Угрозу и в Литве многие считали нереальной. Весной 1621 года на сессии литовского сейма в Вильно депутаты в ответ на тревожные сигналы представителей Риги рассудили, что рижане-де паникуют зря. Безусловно, здесь имели место и некоторая всеобщая переоценка своих сил, и явное шапкозакидательство. Ведь всем было памятно, что Карл безуспешно подступался к Риге три раза, а его сын Густав Адольф — один раз. Вожди Речи Посполитой, почивая на поувядших лаврах Кирхгольма, по-прежнему были уверены, что перед гусарией шведу в жизнь не устоять, а Рига неприступна.

Вообще значение Лифляндии и Риги, через которую шло до трети экспорта Речи Посполитой, сильно недооценивалось (« Всегда найдутся какие-нибудь немцы, что купят наш хлеб!») Большинство шляхты считало конфликт в разоренных Инфлянтах лишь нелепо затянувшейся династической борьбой.

Свою пагубную роль сыграли и противоречия короля с первой фигурой в Литве и вообще распри в высшем руководстве Великого Княжества. Куда более могущественный и авторитетный, нежели сам король, гетман польный литовский князь Кшиштоф II Радзивилл (1585-1640) вместе с прочей магнатской фрондой, замышлявшей детронизацию Сигизмунда, находился с ним в невидимых, но постоянных контрах. В свою очередь, недругами Радзивилла были два самых видных сторонника королевской партии - великий гетман литовский Ян-Кароль Ходкевич (1560-1621) и великий канцлер литовский Лев Сапега (1557 -1633). Они находились в близком свойстве, — старший сын и наследник Сапеге Ян-Станислав, великий маршалок литовский (чин командующего гвардией), был женат на дочери Ходкевича.

Конечно, внешне весьма сложные отношения этих персон находились в рамках этикета и субординации, князь демонстрировал верноподданность и лояльность Его Королевской Милости, уважение великому гетману и канцлеру. Однако те всегда помнили, что родной брат князя лидер кальвинистов Ян Радзивилл являлся одним из вождей «рокоши Зебжидовского» 1606-1607 годов - попыткой вынесения парламентского «импичмента» королю и вооруженного выступления оппозиции, подавленного войском Ходкевича. Тогда дело закончилось вничью, — король остался у власти, но вынужден был отказаться

от реформ и попыток централизации. И все-таки политическая ситуация оставалась шаткой.

К этому следует добавить, что князь Радзивилл также был последовательным кальвинистом, не переметнувшись, подобно Сапеге и прочим магнатам, обратно в католичество из-за карьерных и политических соображений. Он выступал против проводимой королем политики контрреформации, унии католической и православной церквей и дальнейшего «инкорпорирования» Литвы в Польшу - то есть поглощения Литвы и ликвидации ее государственности, ассимиляции и окатоличивания литвинов и русинов.

Во внешней политике князь стремился избежать продолжения конфликта со Швецией, возглавляя в литовском и союзном «вальном» сейме «партию мира». Он полагал, что бедная Литва не в силах вести войну за все более призрачную чужую корону, от которой Сигизмунду давно следует отказаться во имя сохранения Риги и Лифляндии. Видимо, поэтому он, как впрочем, и староста избы посольской писарь литовский князь Иван Друцкой-Соколинский, вопреки положению не был допущен королем к ведению мирных переговоров, что было воспринято им с возмущением.

И все-таки Сигизмунд именно этого «кальвина» и тайного «рокошанина» в декабре 1620 года утвердил главнокомандующим в Литве и Инфлянтах вместо убывшего на Украину великого гетмана литовского Ходкевича. Пришлось учесть и законный порядок, по которому польный гетман - заместитель и преемник великого гетман, и волю «послов» сейма. Да и равнозначной фигуры просто не было.

Итак, покамест найти деньги литвинам было указано за счет тощей казны и нищего народа Великого Княжества и лифляндских рыцарей, которые, как и в прошлые войны, не слишком-то рвались воевать с единоверным Густавом. У литовского военного бюджета начались длительные залоужения. Согласно решениям ноябрьского сейма 1620 года Литва должна была изыскать до августовско-сентябрьского сейма 1621 года 1 136 тысяч злотых. Взыскано же было налогов только на 666 тысяч, из которых на войну с турками ушло 300 тысяч.

Видимо, после того, как пан подскарбий литовский Кшиштоф Нарушевич с цифрами в руках доложил пану гетману о реальных возможностях казны, Радзивилл, не самый бедный магнат в Речи Посполитой, потрянул скарбницей и к лету 1621 года успел-таки набрать 5 тысяч жолнежей на свои личные средства, так сказать, в долг. Под его «регімент» пришло много старых боевых товарищей по прошлой войне, желавших служить только с ним.

При этом надо заметить, что казенного жалованья и каких-либо

вознаграждений за свою службу коронные и литовские великие и польные гетманы (то есть главнокомандующие войск, министры обороны, маршалы, и их заместители) не получали, зато титул носили пожизненно, лишить его могли только за прямую измену. Нередко польные гетманы наследовали великим гетманам. Князь Радзивилл принял пост у отца, Кшиштофа Радзивилла «Перуна», а впоследствии великим гетманом литовским стал его сын Януш Радзивилл, тот самый, что в смутное для Литвы время «Потопа» заключит изменническую унию со Швецией.

Ничего необычного в том, что князь так раскошелился, нет. Он поступил, как поступали многие его предшественники и преемники в таком же положении. Враг ведь не будет спрашивать, есть у тебя войско или нет. Так, Ходкевич не мог рассчитаться с магнатами-кредиторами за свои военные долги до самой смерти, и эти 100 тысяч злотых взяла на себя казна. Если солдаты почему-либо не получали оговоренных денег, волей-неволей содержать их должен был завербовавший их товарищ, ротмистр либо «хозяин полка» - полковник, либо командующий. А раз от тебя люди разбежались, какой же ты тогда капитан, полковник, гетман или король? Ты чучело в погонах! Даже атаман разбойников без «золотого запаса» - не атаман.

Однако жертва Радзивилла на алтарь Отчизны оказалась напрасна. Без крайней на то нужды Сигизмунд, лично выехавший на войну с турками, приказал в июне 1621 года отправить набранное литовское войско на Подолье. Такое решение вызывает недоуменный вопрос: уж не боялся ли король дать в руки Радзивиллу военную силу? Или он рассчитывал на то, что неминуемое поражение вынудит его уйти?

Лишь 16 июня, спустя 10 дней после того, как королевский комиссар Плеттенберг известил о прекращении мирных переговоров гетмана, князь Радзивилл получил от Сигизмунда «листы пшиповедны» - патенты на вербовку войска. Слово «войско» звучало бы в данном случае слишком громко, так как разрешалось набрать всего...750 жолнежей! Правда, король обещал выдать «листы» еще на три тысячи, прислать с королевских земель литовских татар и избранцев, объявить в некоторых воеводствах посполитое рушение. Но даже для этой пародии на мобилизацию гетман не получил денег. Самое обидное, что главнокомандующий оказался в положении поэта Франсуа Вийона, умирающего от жажды у ручья, - то есть текущего потоками на Подолье многотысячного воинства. Правда, на него тоже не хватало денег, но это уже были живые войска!

. Литве нужны были не только деньги, но и время, причем не один месяц. Великое Княжество - не современный Израиль, где резервист прибывает в часть в течение часа. В итоге к началу боевых действий все, что только могло

оборонить Ригу и Инфлянты, при желании можно было выстроить на парад на площади перед рижской Ратушей. И еще осталось бы пространство для публики, в роли которой могло бы выступить городское ополчение...

Театр военных действий

Лифляндское княжество, включающее области Видземе и Латгале нынешней Латвии и южную часть нынешней Эстонии, край всегда малонаселенный и небогатый, пережил страшное лихолетье в результате трехлетней подряд гибели урожая, военных нашествий и чумы 1601-1609 годов.

Целые города и местности обезлюдели. Вымерло, по некоторым оценкам, до 75% , а кое-где до 90% всего населения. За годы мира хозяйство латышских и эстонских крестьян, которых грабили армии противников, а свои бароны требовали податей и повинностей, восстановилось незначительно. Заброшены были многие хутора, деревни и даже города и области. Даже по переписям 1624 года в отдельных староствах Лифляндии (например, Оберпален) не обрабатывалось до 90% пашен, примерно на такой же процент сократилось число домохозяев и бобылей по сравнению с довоенным уровнем.

О том, чтобы прокормить здесь армию, снова пришедшую терзать эту многострадальную землю, не говоря уж о том, чтобы пополниться какими-то значительными воинскими контингентами, как в прошлых войнах, не могло быть и речи.

Большая часть территории была покрыта густыми лесами, болотами, озерами. Пересеченная местность изобиловала неудобьями и дефилами, что мешало разворачиванию больших масс войск и действиям конницы. Проезжих дорог, которые во многих местах можно было легко преградить лесными засеками, имелось сравнительно мало.

Из центра края Риги на все стороны света вели девять основных проходимых для войск сухих путей — две приморские дороги, одна на северо-восток, на Пернов, другая на запад, на Виндаву и Мемель, третья через Вольмар на Дерпт, четвертая на юго-восток через Кокенгаузен на Дюнабург, пятая и шестая вдоль правого левого берегов Дюны также на Дюнабург («Полоцкий путь»), седьмая через Балдон с развилкой у мызы Вальгоф на Биржи и далее на Вильно и на Дюнабург, восьмая шла через Митаву и Шавли на Ковно, девятая - через мосты на Бульюпе и Больдер - Аа (Болдерай) на крепость Дюнамюнде. Десятая, главная дорога, морская, шла от рижских пристаней по всему миру.

Река Дюна, представлявшая собой значительный естественный рубеж, текла по Ливонии с юго-востока на северо-запад, в навигацию была судоходна

от самого Витебска, зимой замерзала и по ней пролегал санный путь. С апреля по декабрь она была серьезной преградой для пехоты, артиллерии и обозов, но летом легко переходилась даже тяжелой конницей - перед битвой при Кирхгольме ее верхом форсировали рейтары герцога Курляндского. Река имела множество рукавов и островов (только у Риги двенадцать больших и малых), в летнее время местами сильно мелела, обнажая броды (у Риги - близ Кирхгольма и Икскюля.) В половодье река часто затопляла город, что находился в дельте вытекающей из озера Кижэзерс несуществующей ныне реки Ризинг (Ридзене, Рига), шесть извилистых рукавов которой впадали в Дюну севернее и южнее города и в самом городе. Кроме того, горожане выкопали в ее дельте заполненные водой оборонительные рвы и каналы с противопаводковыми дамбами и шлюзами.

В болотистой дельте Дюны рядом с ее устьем впадали в море еще две реки, Курляндская Аа (Лиелупе) и Болдер-Аа (Гауя), имелось несколько озер. Старое русло, у которого на речном острове стояла средневековая крепость Дюнамюнде, в начале века занесло песком, а новое русло пробило себе дорогу западнее, где в 1609 году был построен шанец Ноймюнде. Боевые действия возможны были только на песчаном поросшем сосновыми борами мелководном побережье («штранды») с рыбацкими хуторами и рижскими мельницами, а дальше начинались болотистые дебри.

Большие препятствия для завоевателя представляли бывшие орденские твердыни Дерпт (Тарту), Венден (Цесис), Мариенбург (Алуксне), Вольмар (Валмиера), Кокенгаузен (Кокнесе), Румбург (Руиена), Кройцбург (Крустпилс), Зельбург (Селпилс), Динабург (Даугавпилс), многие другие города-крепости и просто бесчисленные замки и мызы ливонских баронов. Слабым местом многих крепостей, построенных в эпоху средневековья, были их неустойчивость против современной артиллерии и инженерных средств осады, а также немногочисленность польско-литовских гарнизонов или вообще их отсутствие.

Городские ополчения были малы из-за немногочисленности самого населения (в Мариенбурге, например, после голода и чумы не осталось ни одного жителя, в некоторых других городах осталось по несколько человек.) К тому же сопротивляться единоверным шведам имели намерение далеко не везде. Ливонские города в ходе войн Швеции с Литвой постоянно переходили из рук в руки, и быть теми холопами, у которых трещат чубы во время драки панов, оставшиеся в своих домах бюргеры не желали. Для обороны городов по указу гетмана был объявлен набор выбранцев, но из-за бедности крестьян и саботажа общин и баронов не удалось получить более нескольких сот человек. Латыши, по мнению Радзивилла, не жаловали поляков, и можно было не сомневаться, что после первых побед шведов они перейдут на их сторону.

Если же говорить о настроениях правящего класса — также протестантского по вероисповеданию рыцарства, то они были двойственны. В 1601 и 1605 годах те лифляндцы, что встали горой за единоверного Карла в надежде найти защиту от редуций их имений и контрреформации Сигизмунда, мир и процветание под шведским скипетром, дважды были брошены шведским королем. Потомки крестоносцев, изрядно выбитые за последние двадцать лет, служили в армиях обоих противников и воевали за того, от кого получали жалование и имения, а иные, как литовский наместник воевода венденский Фаренсбах, вообще вели себя как «тушинские перелеты».

Один из Врангелей служил у Густава фельдмаршалом, другой у Сигизмунда - ротмистром. Те бароны, что остались в разоренных замках посреди обезлюдивших владений, все более утрачивали активную политическую роль, готовые присягать любому победителю — полякам, шведам, русским, туркам. «Что на войне самое главное? На войне самое главное — выжить...» Призыв Радзивилла к лифляндской шляхте стать под его знамена не нашел поддержки.

Что же касается вассального Речи Посполитой герцогства Курляндского и Семигальского, включавшего земли одноименного полуострова и территории южнее Риги по правобережью реки Дины до Динабурга, то по природным условиям она была сходна с Лифляндией. В описываемый период герцогство было разделено между братьями-герцогами Кеттлерами на две части - восточную, Курляндскую, со столицей в Голдингене (Кулдига), которой правил Вильгельм, и западную, Семигальскую, со столицей в Митаве (Елгава), которой правил Фридрих.

Курляндия, которой также предстояло стать полем боя великих держав, в меньшей степени пострадала от мора и нашествий. Ее хозяйство и торговля через порты Либавы и Виндавы успешно развивались, что способствовало созданию тыловой базы литвинов. Верность курляндцев Речи Посполитой тоже зависела от военных успехов сторон. Герцог Фридрих в отличие от своего брата и соперника Вильгельма, который делал ставку на короля Густава, вместе с баронами и купечеством пока сохранял пропольские позиции и верность сюзерену, с которым поддерживались выгодные экономические связи и от которого ожидалась меньшая угроза автономии, чем от шведского короля.

Желая удержать за собой местное рыцарство, Речь Посполитая позволила ему по Курляндскому статуту 1618 года сделать своих крестьян полностью бесправной и свободно продаваемой рабочей скотиной. Бароны обладали даже правом смертной казни - в каждом имении стояли позорный столб для истязаний и виселица. Какие чувства испытывали по этому поводу курляндские белые рабы к своим господам, герцогам и польскому королю и как рвались за них воевать — можно себе представить.

Многие курляндские рыцари служили в коронной и литовской армиях. Вооруженные силы были мизерны, мобилизационные ресурсы весьма невелики, крепости и гарнизоны слабы.

Оборонительные силы Риги

Большой по тем временам 30-тысячный торгово-промышленный город и редко замерзающий зимой морской порт с огромными оборотами транзитной торговли, таможенными сборами, собственным коммерческим флотом, разнообразными ремесленными производствами был основан в болотистой, озерной и островной дельте Дюны в 15 километрах от ее устья. Местоположение его было очень выгодным для защиты, а система укреплений считалась одной из сильнейших на берегах Балтики. За всю свою 400-летнюю историю Рига никогда не была взята штурмом (как, впрочем, и в последующие 400 лет).

Силы обороны не имели единого командования. В мирное время военными делами города ведала «минстерия», руководимая выбранным ратманами и старшинами начальником, своего рода «военным министром» города. Отдельная коллегия со своим начальником ведала артиллерией, арсеналами, боеприпасами, пушечными литейными дворами, производством пороха.

Польско-литовский каштелян (чин коменданта с правами наместника округа), формально ведал только Рижским замком, являвшимся владением короля Сигизмунда. По традиции каштеляном назначался лифляндец, а не поляк, в данном случае им был барон Готтхард Иоганн фон Тизенгаузен.

Бургомистр, каштелян, городской совет и ратманы (наследственные сенаторы), старшины гильдий, глава минстерии, командиры ополчения и капитаны наемников то тянули одеяло на себя, то пытались спихнуть друг на друга ответственность. Ротмистры, присланные Радзивиллом, сначала вообще никому не хотели подчиняться.

Если говорить о «регулярных» силах обороны, то по сравнению с силами противника они были просто ничтожны. По договору с Речью Посполитой поляки и литвины не имели права держать гарнизон, и Рига сама должна была заботиться о своей защите. Хотя городской совет перед угрозой войны пытался вербовать солдат в Северной Германии, значительного контингента заполучить не удалось — на «ярмарке наемников» шведы и датчане предлагали лучшее жалованье, а перебить конкурентов ратманам помешала купеческая скупость.

В итоге в наличии у города оказалось всего 300 немецких мушкетеров.

Боевое значение их еще более снизилось по мере распределения профессиональных солдат по всей линии обороны, бастионам, стенам, башням и кораблям.

С началом войны король Сигизмунд обещал прислать 500 солдат из Данцига, но они так и не прибыли, а скорее всего, и не слишком собирались — видимо, у гданьчан не было особого желания спасти своего главного конкурента в балтийской торговле.

Немногим сумел помочь и гетман Радзивилл. Еще до войны он отправил в город две иноземные, скорее всего, французские рейтарские хоругви ротмистров Габриэля Сердана (Серидона, Керидона, Шеридана) и Гийома де ла Барра. Об их численности трудно судить. Согласно королевским патентам, Сердан должен был иметь под командой хоругвь в 200 коней, а де ла Барр — от 200 до 400 коней, однако рижане не увидели у них более ста солдат (у следователей военной прокуратуры, а в данном случае у войскового профоса и польного судьи здесь должен возникнуть законный вопрос: а какой же тогда ротмистры взяли жолд? Может, они посчитали, что война все спишет?)

Прибыв со своими людьми в Рижский замок и увидев воочию состояние обороны города, ротмистры поначалу просто отказались входить в состав гарнизона, но их уломали авансами и посулами. Видимо, люди бывалые и опытные в фортификации, они занялись инспекцией и доведением до ума укреплений. Кроме того, гетман поставил им задачи разведки и взятия языков.

В Ригу гетман также направил иноземную драгунскую роту капитана Доновея (Донована), но так как в истории обороны она не упоминается, скорее всего, она туда не дошла. Почему-то не значится она в конце августа-начале сентября и в списках войска гетмана. Куда делся шотландец и его люди — история умалчивает. Не успели пройти в Ригу также и пешие выбранецкие роты Яна Укольского и Кшиштофа Чаславского.

Главной силой обороны города Риги являлось бюргерское ополчение численностью до 3 700 человек (некоторые историки эту вошедшую в научный оборот цифру подвергают сомнению, оценивая его в 1-2 тысячи, так как в конце осады, согласно данным городского совета, ополчение насчитывало до тысячи бойцов.) В любом случае потенциал милиции, учитывая численность способного носить оружие мужского населения примерно в 5-6 тысяч человек, был использован недостаточно, что может объясняться только нехваткой мушкетов.

В те времена благородное европейское рыцарство, польско-литовское шляхетство и ландскнехты с пренебрежением смотрели на изображавших из себя воинов «купчишек» и «мастеровщину». Видимо, поэтому в работах многих историков, основанных на свидетельствах польских наблюдателей,

рижское городское ополчение выглядит неорганизованным сборищем. Однако, объективно рассуждая, следует признать, что краткая оборона Риги показала высокий, доходящий до самопожертвования морально-боевой дух и несомненное воинское умение рижан, присущие третьему сословию упорство в ратном труде и возведении укреплений, предприимчивость и изобретательность, использование профессиональных навыков в борьбе с многократно превосходящим врагом.

Капитулянтских настроений не было – Рига не собиралась выносить Густаву золотые ключи: «Дважды отбились от отца, отобьемся и от сына!» Большая надежда была на литвинов, что снова придут на помощь и разобьют неприятеля.

Под шведскую власть жители города-республики отдаваться не хотели прежде всего по экономическим соображениям. Четыре городских бургомистра во главе с обер-бургомистром Генрихом фон Уленброком, шестнадцать наследственных членов рата (ратманов, сенаторов), нобили, купечество, Большая и Малая гильдии, цеховые и гильдейские старшины с главным олдерманом и верхушка городской общины желали по-прежнему пользоваться всеми выгодами положения таможни, мастерской и морских ворот для экспорта-импорта богатой Речи Посполитой. Для этого можно было примириться на время с тем, что король-католик вернул в город иезуитов, опять завладевших для своей коллегии ставшим было в реформацию протестантским собором святого Якоба. Вера верой, а бизнес бизнесом!

В любом случае сдавать свой город врагу для разграблений и бесчинств они не желали. Кстати, в ближайшем будущем примерно такими же мотивами руководствовался и протестантский в целом город Данциг в составе Королевства Польского, на суше и на море насмерть отстаивавший свою автономию от единой армии Густава Адольфа ровно три года, с 1626-го по 1629-й.

Население делилось на три неравных части - целиком немецкий купеческий патрициат, средний класс ремесленников-бюргеров, преимущественно немцев, и основную массу пролетариев-плебеев, рабочих людей. Низший класс в основном состоял из латышей, еще не сложившихся в единый народ - земгалов, селов, латгальцев, куршей, ливов. Особенно много их прибыло в город в годы лихолетья, спасаясь от голода, войны, чумы и крепостной зависимости.

Классово-сословные противоречия внутри рижской общины были на время забыты. Простой люд Риги составил основные силы обороны, сражаясь не за деньги, как наемники, а за свои жилища, семьи, права и вольности.

Ополченцы были сплочены корпоративной гильдейской дисциплиной.

Отказавшихся нести повинности по обороне города с лопатой или мушкетом в мирное время быстро исключили бы из их гильдий, лишили бюргерских прав, превратили в презренных изгоев и вышвырнули с семьей за городские ворота выживать в форбурге (предместье). Что сделали бы с таким уклонистом в военное время, объяснять излишне - все обошлось бы в рамках военно-полевой юстиции, без процессуальных формальностей и театрализованных казней. Тем более что штатного исполнителя смертных приговоров уже, возможно, самого мобилизовали бы на бастионы, рубить своим страшным топором вражьи головы...

Горожане, объединенные в гильдии – Большую, купеческую, и Малую, ремесленную, насчитывавшую от 120 до 150 цеховых союзов -гильдий, свое оружие, мушкеты, пики и алебарды, хранили у себя дома и регулярно должны были проходить военное обучение и работать на сооружении и ремонте укреплений. Каждая гильдия знала тот участок стены, который должна была поддерживать в порядке и защищать в случае осады. Город имел много артиллерии, пороха и опытные кадры пушкарей, к началу обороны туда свезли пушки и припасы из соседних замков.

Хотя ополченцы и не могли соперничать с шведскими солдатами в полевой и строевой выучке, рукопашном бою, но из бойниц и с брустверов многие из них могли попасть в цель за двести шагов не хуже, чем венгерские «дворские» гайдуки Сигизмунда, шотландские телохранители Радзивилла или немецкие мушкетеры «хофрегимента» Густава Адольфа. А с инженерно-строительными задачами привычные к земляным, каменным и плотницким работам ремесленники справлялись лучше солдат.

Ежегодно на традиционных праздниках рижских гильдий в день покровителя города святого Михаила на Ратушной площади проводились парады, смотры, ристалища и стрелковые состязания ополчения, где лучшего «спортсмена» награждали почетным титулом «Майского графа». Собственно говоря, первоначально немецкие купеческие и ремесленные гильдии и возникли для проведения сплачивающих коллегиальных праздников и пивных фестивалей. А объединения бюргеров средневековья в стрелковые союзы-ферейны, просуществовавшие в германских городах до XX века, были формой организации сопротивления против королей и феодалов.

Большую помощь в делах обороны оказывали не только Большая гильдия, но и влиятельная в городе купеческая корпорация «Братство Черноголовых». Названа она была так в честь великомученика Маврикия, римского легионера, по происхождению африканца, - гербом братства была голова негра. Состояла корпорация из местных и иностранных холостых путешествующих купцов и приказчиков. (Женщин они не чурались, просто

после вступления в брак переходили в ряды Большой Гильдии.) Во время осады города врагом «черноголовые» выставляли хорошо вооруженный конный отряд.

Укрепления Риги

Средств на укрепления в Риге никогда не жалели — ведь от них на протяжении столетий зависело само существование города и его жителей. По решению рата в любом духовном завещании часть денег должны были отказывать на строительство стен и башен.

Город окружали толстые стены протяженностью более двух километров, с 21 сохранившейся башней (в средние века их число доходило до 28), из них четыре больших привратных, с узкими проходами-цвингерами, сужающиеся стенки которых затрудняли нападение. В мирное время башни использовали как зернохранилища, склады, тюрьмы, арсеналы и пороховые погреба. Они отстояли одна от другой на 70-100 метров и обеспечивали фронтальный, фланкирующий и перекрестный огонь из установленных в бойницах пушек, фальконетов и мушкетов по противнику, штурмующему стены.

К 1621 году на многих участках старая стена и многие башни пришли в негодность, были разобраны на строительство укреплений и домов. Само пространство у стен и между стенами и валами начало застраиваться.

Песчаная башня являлась ключевым пунктом обороны в ее северо-восточной части. Практически это был форт в пять ярусов высотой 26 метров с диаметром основания 20 метров и невероятной толщиной стен до 6 метров, с 13 орудиями и пищальями в бойницах. У башни через Песчаные ворота уходила на северо-восток одноименная Песчаная дорога на Пернов и Дерпт.

Самой высокой в городе была 30-метровая с диаметром основания 25 метров воротная башня Маршталъ (Маршалковская) в южной части города у берега Дюны и впадающего в нее рукава реки Ризинг с мостом, торговыми пристанями и противопаводковой Яновой дамбой. Прочие башни были поменьше - привратная башня Гильдейских ворот, башни Известковая, Свинцовая у Рижского замка, а также Серая башня диаметром 10 метров, Женская (называемая также «Башней мук», - в нее заключали нарушительниц седьмой заповеди), Людвиг, Бобровая, или «Башня ткачей», Ольховая диаметром 9,5 метров и толщиной стен 1,9 метра, Резена, башня Музыкантов высотой 15 метров, диаметром 11, 5 метров и толщиной стен 1,8 метров, Зундерна, Весовая, или Шалю, Любекская, Мемельская, Епископская привратная, Мясницкая (арсенал минстерии), Замковая, Девичья, Юргена, привратная башня Святого Якоба.

Старый Рижский замок постройки 1515 года, прямоугольная цитадель с четырьмя башнями, валом и рвом, с севера у реки примыкавший к городской стене, хотя и изрядно обветшал со временем, но еще был пригоден к обороне. Формально он принадлежал польской короне, и Сигизмунд III, ознакомившись с ним, запретил его сносить, однако к началу осады не привел в порядок. Замок был огражден валами и рвами, имел серьезную артиллерию - пушки и пищали на втором и третьем уровнях и постоянный гарнизон в 20 человек. В начале августа его пополнила рейтарская рота Сердана.

С высоких колоколен Рижского собора (в отечественном обиходе ошибочно именуемого Домским, что в переводе звучит как «церковная церковь»), собора святого Якоба и самого высокого в городе собора святого Петра можно было наблюдать передвижения противника и даже корректировать огонь артиллерии. Однако севернее города имелась Кибицкая гора, что была выше городских стен, так что ее могли использовать для наблюдения и установки батарей. Впоследствии, при шведском владычестве, гора была скрыта.

Укрепления Риги усиливались за последние 70 лет в соответствии с требованиями времени, - ростом возможностей осадной артиллерии, инженерной техники и осадной тактики, перед которыми не могли устоять стены средневековых крепостей. В 1537-1548 и 1551-1554 годах город был укреплен по проекту немецкого инженера Г. Рисса согласно принятым тогда принципам итальянской фортификационной системы. С 1560 года работы продолжал местный мастер Г.Фрезе.

На расстоянии 150-200 метров от стен всю Ригу опоясали земляные валы высотой 8-12 метров. В изломах валов для фланговой обороны были выстроены полукруглые укрепления-рондели с пушками, большим выступом и открытой тыльной частью — горжей. Валы ограждали широкие и глубокие эскарпированные рвы, заполненные водой, поступление которой регулировалось городскими дамбами и шлюзами.

Сооружение валов и рвов потребовало от города и граждан огромных трудовых и финансовых затрат, тем не менее по всему периметру они так и не были закончены, а кое-где со временем осыпались и заросли. Когда польский король Стефан Баторий в 1582 году вступал с войском в покоренную Ригу, он воскликнул: «Если бы я знал, что здешние укрепления таковы, я предъявил бы рижанам другие условия капитуляции!» А затем легко преодолел крепостной вал на коне...

В правление Батория совершенствование укреплений Риги продолжалось, благодаря чему (а также победам Радзивилла и Ходкевича) они выдержали шведские осады 1601 и 1605 годов. В 1620 году, чувствуя приближение войны,

власти города решили провести их модернизацию, для чего был приглашен баварский инженер Карл Гюнтер Крайль фон Бамберг, являвшийся представителем нидерландской школы фортификации, основные принципы которой включали сооружение на линии валов бастионного фронта, а также строительство системы рвов и каналов, уровень воды в которых регулируется дамбами и шлюзами.

Под руководством фон Бамберга устаревшие рондели были снесены и вместо них возведены силами городского населения три пятиугольных бастиона. На севере, у Рижского замка и судоходного канала, был построен бастион Нового Порта. На северо-востоке у Песчаной башни и Песчаных ворот - полукруглый рavelин в виде аппендикса - «полумесяц» с пятью орудиями на верхнем уровне и бруствером для стрелков на нижнем уровне, получивший за изогнутую форму прозвище «Кошка». На востоке стоял воротный бастион Святого Якоба, на юго-востоке Банный бастион, на юге, у башни, речной пристани с каналом и мостом— воротный бастион Маршталъ с выступающим рavelином- «полумесяцем». Перед валами находились широкие и глубокие рвы с эскарпами и контрэскарпами, заполненные водой.

Созданный на самых угрожающих направлениях бастионный фронт должен был препятствовать противнику подходить к стенам и устраивать под ними артиллерийские позиции - «параллели», траншеи для укрытия и передвижения пехоты, шанцы и минные галереи. При этом бастионы поддерживали друг друга фланкирующим орудийным огнем.

Артиллерия бастионов и стационарных батарей насчитывала 34 тяжелых орудия плюс значительное число мелких пушек, фальконетов и пицалей крепостных башен и замка.

Осаждающим предстояло преодолеть две, а то и три линии защиты. Но даже это не гарантировало быстрый захват города-крепости в случае продолжения стойкой ее защиты гарнизоном. В самом городе стояли бывший епископский замок, где размещалась Ратуша, бывший замок меченосцев, несколько монастырей, соборов и высоких зданий, например, Большой Гильдии, практически также представлявших собой «миницитадели». Узкие улочки препятствовали продвижению по ним под пулями и камнями, летящими из окон домов. Город разделялся высокой каменной стеной, как бы превращавшей его в две отдельных крепости, и речкой Ризинг (Ридзене, Рига).

Впрочем, уличные бои в те времена были редкостью. Города обычно сдавались на капитуляцию сразу после пролома стены, при условии предоставления свободного выхода воинского гарнизона и гарантий пощады жителям, чтобы не доводить дело до резни, насилий и грабежей. Однако часто наемникам, дорвавшимся к добыче, алкоголю и женщинам, плевать хотелось на

обещания, данные полководцами, и они «законно гуляли» в городе два- три дня, как если бы взяли его «на шпагу».

Из Рижского замка в город, за стены и даже под руслом реки Дюны на западную сторону вели тайные средневековые подземные ходы. Старые, оставшиеся с осад 1601 и 1605 годов полузасыпанные противоминные и слуховые сапы шли в сторону противника от бастионов и главных башен. Сама Рига была пронизана под землей многочисленными и неизвестными для непосвященных подземными ходами, лазами и галереями, имела много подземелий, погребов и укрытий.

С запада стены города на большом протяжении защищались широкой рекой, западный берег с пристанями, обычно от конца и до края заставленными заморскими купеческими кораблями, был огражден от ледоходов и волн высоким болверком из бревен. На рижской набережной в добавление к башенной артиллерии были установлены две батареи. В северном Новом порту и у Маршталя стояла небольшая вспомогательная рижская флотилия из вооруженных торговых судов и галер под командованием ирландца Берка.

На левом берегу Дюны, напротив города, у островов Дивельсгольм и Мастерсгольм с бывшим монастырем иезуитов и воротной паромной переправой, от которой шла дорога на Митаву, стояла старая кирпичная сторожевая Красная башня в пять уровней с валом и пристроенной к ней каменной Марианской мельницей на речке Марупите (кстати, именно там и происходят события фильма «Слуги дьявола на Чертовой мельнице».)

Несколькими милями севернее на острове Дальгольм находился не имеющий гарнизона старый, но довольно внушительный замок Дален, служивший ранее речной таможней, принадлежащий герцогу Курляндскому Фридриху. Южнее Риги лежал целый архипелаг ненаселенных больших и малых островов, самым большим и протяженным из них был Фридрихсгольм.

При надлежащем инженерном оборудовании и оснащении артиллерией и пехотой эти позиции могли бы вместе с батареями правого берега вести перекрестный огонь по вошедшим в Дюну кораблям противника и не допустить полного окружения города, удерживая плацдарм, необходимый для связи с Радзивиллом. Вовсе не случайно во время осады 1601 года шведы построили на острове Дивельсгольм батарею с шанцем, и можно было предположить, что они попытаются сделать это вновь. Однако на оборону левобережья, видимо, не хватило сил и средств.

Крепость Дюнамюнде

Важнейшим, ключевым участком обороны Риги было морское устье Дюны со средневековой крепостью Дюнамюнде, находившаяся в устье на острове, образованном искусственно прорытым рукавом реки. В начале XVII века твердыня потеряла свое значение, так как река изменила свое течение, старое русло занесло песком, и крепость не могла отражать своими пушками корабли противника, заходившие в устье гораздо западнее, - они были из Дюнамюнде просто не видны. Казна Речи Посполитой и город Рига прекратили финансирование, к лету 1621 года ее башни, стены, бастионы, рвы и валы серьезно нуждались в приведении в порядок.

В 1609 году шведский полководец граф Мансфельд построил на новом западном русле на левом курляндском берегу у окончания песчаной косы, образовавшейся при слиянии рек Дюны и Аа Курляндской, четырехугольный штерншанец Ноймюнде, «Новое устье», который вскоре был отбит у шведов Ходкевичем.

Шанец Ноймюнде при шведах имел 250 человек гарнизона, 28 фальконетов, бастионы, рвы и капониры. К началу войны 1621 года рижане, подгоняемые гетманом, мало-мальски привели шанец в порядок и даже построили рядом обширный военный лагерь, но занимать его было некому. Как полагают некоторые исследователи, Ноймюнде вообще не имел артиллерии (как известно, что-то действительно взяла Рига, а перед осадой из крепостей выехали в Кокенгузен какие-то «возы и челядь») Поверить в такое трудно - это выглядит примерно, как если бы кронштадтские форты вдруг оказались без пушек...

В начале июля Радзивилл назначил комендантом Дюнамюнде рейтарского капитана Иоганна Шварцхофа, приказав ему срочно поспешать туда «под грозой и страхом». Рота его численностью в 150 рейтар при поручике Теофиле Шварцхофе (сын?) составила гарнизон крепости. Гетман направил туда также еще две роты литовских выбранцев Яна Укольского и Кшиштофа Чеславского, драгунскую роту Джона Донована, которые прибыть вовремя не успели. Горстка защитников устья Дюны имела мало пороха, провианта и фуража.

Подготовка Швеции к войне

Сравнительно бедная людьми и ресурсами, но имеющая абсолютистское правление Швеция с начала века стремительно усиливалась, становясь «страной железа», проводя политические, военные и экономические реформы, создавая собственную промышленность, разрабатывая новые рудные месторождения, превращаясь в европейского монополиста по экспорту меди, строя литейные и оружейные заводы и мануфактуры, экономичные

вододействующие пильные мельницы и и верфи, усиленно привлекая иностранных инвесторов, главным из которых стал голландский олигарх де Геер, лучших инженеров, мастеров и специалистов.

Был взят форсированный курс на создание большой боеспособной постоянной армии, построенной по нидерландской системе, и мощного флота по образцу английского и голландского, способного победить датский флот и господствовать на Балтике.

Разорительная для народа милитаризация откровенно служила целям внешней экспансии. Выход страны в ряды великих европейских держав и возможность вести активную политику на континенте зависел от овладения портами бывшего Ганзейского союза, морскими торговыми путями и превращения Балтики в «шведское озеро». Эту борьбу начал король Карл IX и продолжил его сын и преемник Густав II Адольф. За достижение этой цели страна практически непрерывно воевала с 1600 по 1660 год.

План войны молодого «Северного льва», воспитанного на фундаментальных трудах Юлия Цезаря, Фортина, Вегеция, Полибия, Маврикия, Макиавелли, принца Нассауского, Гуго Гроция, Фекиера и Вальхаузена, был прост и рационален. В него не входили ни глубокие вторжения в духе Александра Македонского, ни даже более скромная перспектива присоединения и так разоренной Лифляндии.

Поэтапная стратегия Густава предусматривала: 1) высадить под Ригой многократно превосходящие войска с большим количеством осадной артиллерии; 2) прикрываясь от литовских сил, состоящие которых ему было известно, рекой и «предмостным» укреплением на левом берегу, обеспечить надежную блокаду города; 3) сосредоточить усилия на слабейшем участке обороны и быстро овладеть городом без штурма, сделав пролом, понуждая к сдаче бомбардировками и обещаниями сохранения городских прав (надо сказать, Густав, помня о горьком опыте Пскова, на всякий случай настраивался на длительную осаду такого города, как Рига); 4) после ее падения перенести войну в Курляндию, в зависимости от ситуации овладеть Митавой, Кокенгузеном, другими важными городами и крепостями; не слишком часто выходя из-за фортеций, нанести одно-два чувствительных поражения литвинам; 4) вынудить Сигизмунда и Радзивилла к заключению мира или перемирия, для чего можно будет пожертвовать на дипломатическом торгу некоторыми пунктами, чтобы оставить за собой Ригу.

Что до остальной Ливонии, то с овладением ее экономическим и политическим центром край впоследствии должен был сам упасть в руки, как спелое яблоко, - удержать его полякам и литвинам будет очень трудно.

Город и край могли стать разменной монетой и большего достоинства —

если бы Сигизмунд пошел на длительный мир и признал Густава законным государем, он имел бы очень хороший шанс получить их обратно. Бог с ними тогда и с Ригой и с вытоптанной Ливонией — ведь молодого «Северного льва» в качестве защитника веры и свободы ждали сказочно богатые Германия и Чехия, а Брейтенфельд, Лех и Лютцен случились бы на 10 лет раньше...

А не пойдет на мир кузен, что ж? Заполучив Ригу, «курицу, несущую золотые яйца», можно несколько лет перемирия взимать пошлины за литовский и русский хлеб и налоги с трудолюбивых рижан, терпеливо копя талеры для покрытия расходов на армию и флот, готовя следующий бросок, на Лифляндию и Данциг, а там и в Германию, на помощь братьям-протестантам, которых имперцы били в хвост и гриву. Как метко выразился королевский секретарь, ученый муж и дипломат Юхан Адлер Сальвиус, - «Это другие державы начинают войны, потому что у них для этого достаточно много денег, а Швеция воюет, потому что она бедна...»

Строительство армии

Поскольку в стране с населением свыше миллиона человек даже за счет жестоких налогов более 14 тысяч солдат нанять было никак невозможно, а требовалось по далеко идущим военным планам раз в пять больше, король Густав Адольф впервые за всю европейскую историю приступил к набору массовой национальной регулярной армии, то есть постоянной, а не временной, распускаемой после войны, за счет самого многострадального шведского народа. (Примерно то же самое проделал в 1698-1699 годах за счет многострадального российского народа его коллега, государь Петр Алексеевич.) Особых политических проблем по этому поводу у шведского «просвещенного абсолютиста», как и у его московского последователя, не возникло. Сенат, риксдаг, ландтаги, церковь и все сословия, если не считать небольших крестьянских волнений, подчинились указам главы государства безропотно.

По изданному в конце 1620 года королевскому «Ордонансу о военнотружущих» мужское население страны от 15 до 50 лет переписывалось пасторами в приходах и делилось на десятки. Выбранных по одному с каждых десяти крестьян и мещан рекрутов оснащали на собранные в десятках «шереножные деньги» и представляли на армейские призывные комиссии в губерниях. Дезертиры, умершие или больные заменялись новыми даточными.

Численность армии резко подскочила. В образованных шести шведских и двух финских провинциальных военных округах формировались восемь новых «больших» «земельных» полков по

3 600 человек в каждом (storregimente, landsregemente), которые получали

названия провинций (ленов). После первоначального обучения полки разделялись на три малых «полевых» полка по 1 200-1 500 человек (faltregemente) с новыми наименованиями. Чаще всего два из них направлялись на театр военных действий, а третий полк оставался в метрополии в качестве резерва на случай вторжений или мятежей, ядра для образования новых полков.

Позже из рекрутов стали набирать и земельные рейтарские полки (landsryttare) по 300-400 человек. Кавалерию набирали также по рейтарской повинности (rosdinst) владельцев мыз, крестьян и арендаторов.

За границей, главным образом в северогерманских государствах и Шотландии, были наняты значительные контингенты пехоты и конницы. В дополнение к опытным шведским полководцам (Делагарди, Маттсон, Врангель, Маттсон, Флеминг) приглашены опытные военачальники и офицеры из-за границы (француз Маржере, сын графа Мансфельда Мансфельд-младший, шотландцы Рутвен, Сетон и др.) Повысился выпуск вооружений, тяжелой и полевой артиллерии, мушкетов новейшего голландского образца, запущена была большая судостроительная программа.

Подготовка вторжения

В мае-июле 1621 года под общим руководством самого Густава Адольфа, с участием королевского канцлера Акселя Оксиеншерны, генерал-губернатора Эстляндии фельдмаршала графа Якоба Делагарди, адмиралов Карла Гюлленхельма и Клааса Флеминга, абоского губернатора Нильса Бьельке, перновского губернатора фельдмаршала Яспера Андерссона Крууза аф Эдебю, выборгского и ингерманландского губернатора Генриха Флеминга, королевского советника ревельского губернатора Петера Банера и генерал-вахтмейстера Самуэля Коброна (Кокберна) были проведены широкомасштабные военно-мобилизационные мероприятия в Швеции и Финляндии.

В порту Эльвслеббен близ Стокгольма, финляндских портах Гельсингфорс, Або и Выборг прошел сбор войск. Наряду с полевыми полками собирались вербованные пешие и конные части из иностранных наемников (vargvade) и роты шведской и финской национальной кавалерии (landsryttare). Полки усилили опытными солдатами из гарнизонных рот крепостей, заменяя их новобранцами.

В пунктах отправки части доукомплектовывались рекрутами, получали из заранее организованных военных магазинов снаряжение и довольствие, перевооружались новыми мушкетами, проходили обучение. Запас провианта удалось собрать на месяц вперед. По давней традиции всем отправляющимся

на войну за море выдали вперед годовое жалованье и пиво в рацион. «Каютные» хлеб и пиво полагались дополнительно также и вышедшим в кампанию экипажам боевых кораблей. Для этого с населения срочно были взысканы недоимки.

Полковников обязали использовать собранное сукно и платье исключительно в целях единообразного обмундирования рекрутов, прибывавших в своих длиннополых сермягах, а то и вовсе «голыми и босыми».

В конце июля, спохватившись, что войну, скорее всего, придется вести и в холодное время года, король распорядился провести среди населения государства всеобщий сбор зимней одежды. С каждого шестого, восьмого или десятого домохозяйства, в зависимости от бедности провинции, велено было брать тулуп, шубу или полушубок. Потом Густаву Адольфу этого показалось мало, и с каждого второго крестьянина и бюргера он распорядился собрать еще и по паре зимней обуви, а наместников обязал разъяснять людям, что эта «зимняя помощь» предназначена для их же родных и близких, чтобы они не перемерзли на королевской службе.

Однако на местах власти получили распоряжения только в августе, раскачивались долго, а сбор начали только на исходе осени, когда Скандинавия покрывается снегом и льдом. (Тут своевременно пришла на помощь Московия, через ту же самую Ригу поставившая по сходной цене большую партию валенок.)

Подготовка к вторжению опасно затянулась на три драгоценных теплых месяца. Собранные войска даром переводили провиант и сено на окрестных лугах. Чтобы выплатить денежное довольствие, солдатам пришлось урезать порции. Сказывались недостаток опыта молодого короля и его администрации в организации масштабных заморских экспедиций, плохая собираемость налогов в бедной стране при глухом саботаже народа и местных властей, нехватка людей, лошадей, денег и ресурсов. Другой противник жестоко наказал бы за такие сборы молодого «Мальбрука». Но к его счастью, на другом берегу Балтики вообще не проводилось никаких военных приготовлений...

Силы вторжения

Численность их составляла в конце июля до 14 700 пехоты и 3 125 кавалерии, а к концу сентября за счет перебрасываемых пополнений было доведено примерно до 20 000 пехоты и 4 000 кавалерии. К началу осады Риги состав экспедиционного корпуса был таков.

Пехота, командующий генерал Маржере.

Иноземные вербованные полки: гвардейский дворцовый полк (hovregemente) генерал-лейтенанта графа Филиппа фон Мансфельда под командой сына фельдмаршала подполковника Ханса Врангеля, набранный из немцев-протестантов Северной Германии, с ротой шведских лейб-драбантов, и полк Джеймса Сетона, составленный главным образом из шотландцев, а также немцев и голландцев.

Шведские пехотные полевые полки:

- Седерманландский полк шефа наследника трона герцога Карла Филиппа Седерманландского под командой полковника Бастиана Бонадта;
- Смоландский полк шефа фельдмаршала Германа Врангеля под командой полковника Патрика Рутвена;
- Норрландский полк полковника Густава Горна;
- Вестготский полк полковника Юхана Хиндерссона;
- Остготский полк полковника Арвида Ханда,
- Енчепингский полк полковника Йоста Клодта.

Финские пехотные полевые полки:

- шефа генерал-вахтмейстера Самуэля Коброна (Кокберна) под командой подполковника Якоба Дюваля (Макдугала),
- Финляндский Рихарда Розенкранца под командой подполковника Кристоффера Ассарссона,
- Карельский шефа Выборгского и Ингерманландского губернатора Генриха Флеминга под командой подполковника Эрнста Кройца.

Кавалерия (командующие генералы Каспар Маттсон и граф Филипп фон Мансфельд)

Кирасирская вербованная кавалерия:

- королевская немецко-шведско-финская лейб-рота (livfanan) Юргена Майделя,
- немецко-шведская рота герцога Карла Филиппа под командой Закариаса Паули,
- немецкая рота фельдмаршала графа Якоба Делагарди под командой Якоба Вахтмайстера,
- немецкая рота фельдмаршала Врангеля под командой его сына Ханса Врангеля
- немецкая рота Рихарда Розенкранца под командой барона Магнуса фон дер Палена.

Эстляндский аделсфан (рыцарское ополчение) из эстляндской кирасирской и ингерманландской рейтарской рот под командой барона Берндта фон Таубе;

Рейтарская кавалерия:

- девять шведских рейтарских рот: барона Конрада фон Иксюля, Пера Йоханссона, Йорана Якобссона, Нильса Ассарссона, Йенса Ханссона, Йона

Перссона, Оке Свантессона, Манса Шерна и Кнута Драке;

- семь финских рейтарских рот: лейб-рота Самуэля Коброна под командованием Райнхольда Вюнша, Йенса Курка, Андерса Паули, барона Отто фон Гротхузена, Акселя Мортенссона, Акселя Маттсона, Олафа Дуфва и Нильса Монссона.

Все полки имели положенный штат в 8-10 рот от 1000 до 1 200 и 1500 мушкетеров и пикинеров. Шведские и финские конные роты имели штатную и близкую к ней численность в 110-125 человек, до 10 дополнительных офицерских коней в штате, вербованные кирасирские роты порядка 110 человек с 14 дополнительными конями в штате. Большинство наемников и часть шведских и финляндских войск также имели боевой опыт.

Командный состав имел большой опыт войн в Европе, с Литвой и Россией. Кроме того, для данной кампании был приглашен значительный штат лучших иностранных военных и инженеров.

Артиллерия представляла собой мощную силу: более 60 пушек, фальконетов и мортир, в том числе 36 осадных орудий: 13 - 48-фунтовых (с боезапасом 1900 ядер и гранат), 2 - 36-фунтовых (1200), 16 - 24-фунтовых (9500), а также 25 6-фунтовых, 12-фунтовых и 16-фунтовых полевых орудий (10 000), две тяжелые 120-фунтовые и две легкие мортиры. Имелось также шесть подрывных петард на специальных колесных устройствах. (В исторической литературе встречается цифра в 375 орудий, что маловероятно, возможно, учтены и малокалиберные.) Даже такой артиллерийский парк потребовал до двух тысяч упряжных лошадей и от 3 до 60 возов и возниц на орудие для перевозки пушки, ложа, боеприпасов и расчета, а также громадного количества фуража, включая не только сено, но и необходимый тягловым артиллерийским битюгам овес и ячмень.

Шведский флот

Шведский королевский флот (командующий гросс-адмирал Карл Карлссон Гюлленхельм, побочный сын покойного короля Карла, заместитель и фактический командующий флотом вице-адмирал Клаас Флеминг, командиры эскадр Клаас Цугле и Иоганн Дерферт) наглядно подтверждал известный тезис Петра Великого о том, что "потентат", имеющий, кроме армии, еще и флот, может задействовать в войне две руки. А главная функция этой «второй руки», — не красивые парусно-абордажные сражения, а обеспечение действий армии на приморских направлениях и высадка десантов, а также препятствование флоту противника делать то же самое.

Морские силы Густава Адольфа, состоявшие в основном из кораблей

новой отечественной постройки, а также закупленных в последнее время в Голландии и Дании, уже являлись вторым флотом на Балтике после датского и насчитывали в своем составе 57 вымпелов. 52 из них были задействованы в проведении десантной операции.

Главную мощь флота составляли 28 галеонов, из них 8 больших, предшественников линейных кораблей, водоизмещением от 800 до 1300 тонн, или от 400 до 650 голландских лагов (королевский галеон «Скептер» («Скипетр»), "Апплет", "Тре крунур", "Вазен", "Крунан", "Свярдет", "Смоланд Лейонет", "Нюкельн"), 10 средних галеонов по 500-600 тонн ("Андромеда", "Бломман", "Сварта Хунден", "Спегельн", "Ораниебом", "Стьярнан", "Харбо лейонет", "Самсон", "Персеус", "Орфеус"), и 10 малых галеонов по 300-400 тонн ("Ганнибал", "Элефантен", «Дракен», "Остгота лейонет", "Лилла Нюкельн", "Холландс фалкен", "Нючепингс ульвен", "Юпитер", "Марс", "Меркуриус")

Также в составе флота насчитывались 6 построенных из сосны пинасс водоизмещением 200-300 тонн ("Вестервик", "Энгельн", "Стольнеббен", "Базиликус", "Сальватор", "Юнге"), 23 малых корабля, в том числе галера Его Величества, малые галеры "Стюре остготе", "Ромулус", "Ремус", "Лилле", 4 "финских", или "абоских" галеры, а также, по некоторым данным, галеры "Спектан", "Масен", "Свалан", "Дуван", "Фрископп", "Сален", 8 яхт, ботов и прочих вспомогательных и посыльных кораблей.

Общая численность команд насчитывала 2 085 человек без учета морской пехоты, в том числе 840 человек начальствующего и нестроевого состава. На вооружении кораблей имелось до 1 500 пушек.

Были привлечены к десантной операции 106 зафрахтованных и мобилизованных торговых и промысловых, больших и малых судов, представляющих все имеющиеся на Балтике типы от вместительных купеческих флейтов и галиотов голландского образца до финских рыбацких лайб. Все иностранные коммерческие корабли, пришедшие в незамерзающие порты Швеции, а в мае - в Финляндию «по чистой воде», принудительно фрахтовались для перевозки войск и припасов.

Морской переход

Выход из главной военно-морской базы Эльвслеббен несколько дней сдерживали непогода и встречные ветра, что дало Густаву Адольфу некоторое время для продолжения работы над воинскими артикулами. Наконец, 24 июля

подул попутный норд-ост, и королевский флот, подняв паруса, вышел шхерами из залива Сандхавн в открытое море. На войну молодого «Мальбрука» провожали королева-мать и августейшая супруга.

Противостоять данной крупнейшей за всю предшествующую историю войн на Балтике десантной операции было некому. Город Рига имел несколько галер и вооруженных торговых судов, ходивших под своим флагом - белоголубым с гербом города. Выход их навстречу шведам имел бы вполне предсказуемые последствия.

Польский королевский флот, базировавшийся в порту Путциг (Пуцк) в Данцигской бухте, был мал до ничтожности и на активные действия не способен, о чем донес шведскому королю специально посланный туда по весне разведывательный корабль. Еще менее был флот вассальной Польше «Герцогской» Пруссии, стоявший в Пиллау. Вместе они не превышали и десятка вымпелов.

Впрочем, и фактический владелец польского флота город Данциг, имевший в Королевстве Польском большие права в делах собственной обороны, и шурин Густава электор Прусский даже по королевскому эдикту Сигизмунда вряд ли послали бы свои корабли в Рижский залив. Во-первых, учитывая то, что радиосвязи в XVII веке не существовало, за временем преодоления расстояний, которые скакали из Риги в Варшаву и Данциг коннонарочные, эскадры просто не успели бы собраться и дойти вовремя. А во-вторых, Данцигу и Георгу-Вильгельму свои «рубахи» были ближе к телу, чем «рубахи» короля Сигизмунда и гетмана Радзивилла. А в-третьих, они не вышли бы в море просто по погодным условиям.

Главным противником шведской «Великой Армады» стала морская стихия, - уже на второй день перехода начались шторма, которые начали ее мотать по Балтике. Два судна с оборванными парусами и сломанными мачтами выбросило на курляндский берег у Виндавы, одно затонуло, а другое, с грузом боеприпасов, захватили курляндцы.

С трудом собравшись вместе, 25 июля флот прошел Ирбенским проливом мимо мыса Домеснес (Колкасрагс) в Рижский залив. Однако там лишь продолжились злоключения шведского флота и страдания измученных морской болезнью и штормовыми вахтами людей и бившихся в трюмах лошадей. 26 июля корабли вновь разбросало, около сорока судов вместе с королевским галеоном, на борту которого был сам Густав Адольф с младшим братом и наследником герцогом Карлом Филиппом, унесло от прочих неведомо куда.

Гюлленхельм, Флеминг и фельдмаршал Врангель в тревоге три дня отстаивались у острова Роон (Рухну), пока наконец не дождались вестей от короля с посыльным судном. Он сообщал, что его «эскадру» с Остготским, половиной Седерманландского полков и отдельными частями на борту 28 июля занесло в Пернов, у «Скептера» сломало мачту, они с Карлом Филиппом живы-здоровы

и сошли на берег. Далее, по готовности собиравшихся там войск финляндско-эстляндского корпуса Делагарди, Густав Адольф намерен сухим путем выступить с ним на Ригу. Адмиралу и фельдмаршалу король поручил брать Дюнамюнде без него.

Высадка у Дюнамюнде

Утром 31 июля морской горизонт у двинского устья закрыли паруса кораблей шведского флота, громом двукратного салюта возвестившего Риге приход завоевателя. Рижане отвечали троекратным салютом, как бы принимая вызов. Так как неведомый и невидимый покамест враг вызывал у Гюлленхельма опасение, он поостерегся входить в Дюну. Тем более противник его, представлявший собой всего лишь рейтарскую роту Шварцхофа, прибег к единственной в его незавидном положении уловке: имитировал укрепленный многолюдный лагерь с большим количеством всадников и пехотинцев, костров, палаток и знамен, открыл с валов и бастионов пушечный и мушкетный огонь.

Демонстрация поначалу удалась, но долго играть эту пьесу было нельзя. И тут обороняющимся сильно повезло: на следующий день поднялся сильный шторм, не стихавший четверо суток. Несколько шведских кораблей сорвало с якорей и выбросило на берег. У многих кораблей сломало мачты и порвало фалы, в трюмах побились лошади.

4 августа погода несколько поутихла и Гюлленхельм решился войти в устье и начать десантирование. Высадка войск Врангеля прошла почти без противодействия противника, который сначала опять было пострелял и помахал хоругвями. Однако при виде надвигающихся на них галеонов с морскими орудиями и шлюпок с шотландской пехотой воины гетмана Радзивилла прекратили изображать толпу, и не вступая в бой, быстро ретировались на Ригу, успев, однако, разрушить укрепления Ноймюндского шанца.

Осуждать их за отступление трудно - столь малыми силами они и так сделали невозможное: задержали шведов в двинском устье на целых пять дней! Конечно, не без помощи небесных покровителей воинства Речи Посполитой и морского владыки Нептуна, устроивших многодневный шторм...

Гарнизон Дюнамюнде остался ее оборонять (поэтому уместен вопрос: какие же еще части, кроме роты Шварцхофа, были у Ноймюнде?) Поскольку старая крепость на берегу бывшего русла реки мало чем могла ему помешать, Врангель оставил под ней блокирующие силы и за три дня не спеша амбаркадировал большую часть отошедших от морской болезни людей, лошадей, грузов и пушек у Дюнамюнде. При этом оказалось, что половина

кавалерии без всякого боя вышла из строя, – травмы и контузии во время многодневного шторма получила добрая половина конского состава.

Далее шведские путешественники прошли судами по реке к рыбацкому хутору Мюльграбен, в переводе «Мельничная канава», (ныне рижский городской район Мильгравис), стоя там в ожидании сил короля и Делагарди, не высаживаясь с кораблей несколько дней. Рижские галеры отступили под защиту батарей, не приняв боя.

При том, что Густав Адольф не забыл, правда, за два, а не за три месяца предупредить противника о своем намерении продолжить войну, с момента выхода королевского флота до высадки в Дюнамюнде прошло двенадцать дней, от высадки в устье Дюны до обложения города - девять дней, от выхода из Эльвслеббена до начала осады Риги - почти три недели. Но этим подаренным в последний момент временем руководство Речи Посполитой не воспользовалось, - помощи Рига и Динамюнде так и не дождалась.

Начало осады

4 августа свою готовность к обороне рижане доказали уничтожением городских предместий – форбургов, что было с их стороны большой жертвой. Огонь бушевал три дня, что задержало начало осады. Как писал Радзивилл королю: «Рижане предместья свои спалили, с криком, плачем, стенаниями и протестами сословий, и город заперли ...»

Насколько большой убыток был причинен, неизвестно, но когда в 1629 году богатый город Торн (Торунь) с населением 12 тысяч жителей был осажден шведами, ущерб от уничтоженных предместий составил более 2 миллионов злотых, за что польский сейм на год освободил горожан от налогов.

На Ригу с севера надвигались нескончаемые пешие и конные колонны, вереницы обозов, длинные запряжки лошадей волокли орудия. Высланные с перновской дороги в стороны рейтары щелкали, как орешки, лифляндские городки и замки – Салис, Каркус, Лемзаль, Тарваст, Феллин, Оберпален, Буртниеки, Вольфарт, Роен... Оснащены финны и эстляндцы были в отличие от шведских и немецких кавалеристов неважно, имея большой комплект кирас и даже пистолетов, зато их коренастые и выносливые местные лошадки не испытали в корабельных трюмах ужасающего шторма и исправно носили своих седоков. Однако у корпуса Делагарди куда хуже было с провиантом — вместо морской болезни на балтийских волнах солдаты терпели голод на разоренной земле Ливонии.

12 августа тревожно зазвонили колокола святого Якоба, как встарь призывая граждан к оружию — на Песчаной дороге показался враг.

Под салют шведского флота и огонь с рижских бастионов и башен король подскакал под стены одним из первых, как всегда, слишком рискованно приближаясь к противнику. Густав Адольф был лично очень храбр, но дело тут не в лихачестве - он испортил себе зрение книгочейством уже в молодые годы, поэтому всегда старался рассмотреть позиции неприятеля поближе, что и сыграло для него роковую роль в битве при Лютцене. Проведя рекогносцировку по всему периметру обороны и удачно проскакав под обстрелом из Песчаной башни, король лично оценил увиденное и немедленно направил в Ригу парламентаря с предложением переговоров, обещая в случае согласия на их начало не открывать огня.

Обер-бургомистр Уленброк, посоветовавшись с каштеляном, ратманами и командирами, передал Густаву, что без воли польского короля никаких сношений с противником город вести не вправе, в случае же нападения намерен защищаться всеми силами и средствами.

Планы и подготовка

К 13 августа шведская армия полностью обложила Ригу, став вокруг нее в нескольких лагерях. На восток от города, на сухих песчаных высотах (Сандберг), где ныне городской район Межапарк, у развилки двух дорог и реки Скекупе размещался самый большой королевский стан, где находился сам Густав Адольф, принцы и вельможи, четыре пехотных полка, шесть кавалерийских рот, всего до 6 000 пехотинцев, 800 рейтар и кирасир. «По правую руку», к северо-востоку от города, на перновской дороге был разбит лагерь фельдмаршала Делгарди - пешая гвардия, три пехотных полка, две конных роты, до 4 500 пехотинцев и 300 рейтар. По «левую руку», поодаль от южных рижских укреплений, за огибающей город с северо-востока речкой Скекупе у мызы Хинценхоф, что у реки Дюны и дороги на Кирхгольм, Кокенгузен и Дюнабург, стал лагерь фельдмаршала Германа Врангеля и полковника Патрика Рутвена (три полка пехоты и шесть конных рот, 3 000 пехотинцев и 300 рейтар.) Полк Сетона (750 пехотинцев) разбил отдельный лагерь у укрепленной мельницы с прудом на Мельничном ручье близ северных бастионов Нового порта и Песчаной башни, выполняя функцию передового осадного отряда.

Прямо сказать, Густаву предстояло разгрызть крепкий орех. Однако задача его облегчалась тем, что в разработке плана взятия Риги принял участие...сам строитель ее укреплений! Светило европейской фортификации Крайль фон Бамберг, получив гонорар у рижан, сразу же поступил на шведскую службу, рассудив, что его опыт и знания по достоинству будут

оценены

при взятии построенных по его проекту бастионов. Не исключено, что предприимчивый баварец вообще сыграл здесь роль засланного шведами «тroyанского коня» или был своевременно ими перекуплен. В любом случае он не прогадал, так как дослужился до чина генерал-квартирмейстера. Так что король Густав Адольф знал о сильных и слабых сторонах обороны Риги не хуже, чем сами рижане, к тому же в городе активно действовали его шпионы.

Любопытно, что по ту сторону крепостной стены находился бывший ученик и помощник фон Бамберга, 30-летний рижский фортификатор, картограф и художник-гравёр Георг Швенгель. Он также поступил потом на службу шведскому королю и построил много крепостей в Прибалтике, включая Ниеншанц, выполнил обширную картографию Ливонии, тоже став со временем инженерным генералом с благородной приставкой «фон». Швенгель, бывший очевидцем событий осады, издал на эту тему интересные батальные гравюры.

По совету фон Бамберга и других «ведущих специалистов» король избрал для главной атаки ближайшие к осадным лагерям бастионы у воротных башен — Песчаный («полумесяц») и святого Якоба. Они тоже были далеко не подарок, но там ров был ближе всего к стенам и воротам, а уровень воды в нем был ниже из-за перепада высот. Песчаные возвышенности севернее и восточнее города подходили для установки артиллерии. Недалеко от лагерей находились источники водоснабжения - рукав реки Ризинг, Мельничный ручей, Рижское озеро и речка Skeкупе.

Южное направление, где стояли бастионы Банный и Маршталъ, были отвергнуты из-за худших условий размещения, снабжения и поддержки артиллерией. Группе Врангеля, отстоявшей от стен и бастионов Банный и Маршталъ поодаль, на пушечный выстрел, и отделенной от них рекой Skeкупе и большим рвом, король поручал лишь прикрытие осадного корпуса от нападений литвинов с юга и на удачу - вспомогательную атаку на Маршталъ.

Северное направление было отвергнуто из-за сильного бастиона Нового порта и Рижского замка, стоявших на реке и в портовом канале вооруженных кораблей, широкого и глубокого рва. Отдельный отряд планировался для овладения незаселенным левобережьем с его паромной воротной переправой и островами.

Большие силы флота для поддержки сухопутных войск не применялись из-за сложного и незнакомого фарватера, встречного течения, опасности огня береговых батарей и ночных атак брандеров, а также отсутствия условий для базирования. Действовали на реке главным образом малые корабли и галеры (на гравюре Швенгеля изображается шведский флот под Мюльграбеном, - четыре двухмачтовых малых галеона и пинасса, три одномачтовые галеры и две малых

парусных лайбы.)

Первый опыт морских боев был неудачен. 13 августа посаженный на галеры отряд из семи рот финского полка Коброна подошел к замку, но там два корабля сели на мель, попав под огонь, один был подожжен, другой - захвачен рижанами. Экипажи и десант большей частью спаслись вплавь, иные попали в плен.

В осадном лагере закипели инженерные работы, в которых приняли участие все без исключения. Король искоренил существующую в европейских наемных армиях традицию, по которой рытье земли считалось уделом нанятого «мужичья», а не доблестных воинов. Густав Адольф, показывая солдатам личный пример, и сам не погнушался взять в королевские руки шанцевый инструмент, и заставил копать землю юного герцога - наследника Карла Филиппа. Армию удалось приучить к мысли, что «лопата – друг солдата». Как лаконично выразился маршал Вобан: «Больше земли – меньше крови!»

Работали день и ночь, при кострах. С городских стен тревожно наблюдали, как тысяч пятнадцать вражеских солдат, копошась как муравьи, непрерывно и неустанно лопатят землю вокруг Риги.

В соответствии с принципами осадной тактики того времени, чтобы оградить себя от внешней угрозы и попытки деблокады города, на запредельной дистанции артиллерийского огня от крепости началось возведение внешней циркумвальной укрепленной линии с 15 редутами, связывавшей между собой все три лагеря. Внутренняя контрвальной линия возводилась для постепенной инженерной атаки стен и бастионов посредством устройства новых параллельных траншей с ходами в сторону противника (апрошами), брустверов, блокгаузов, редутов, укрытий для пехоты, ложементов, позиций пушечных и мортирных батарей с пороховыми погребами.

Важнейшую роль приобрела минная война, прокладка подземных и крытых ходов и галерей (мины, сапы) для взрыва масс пороха под укреплениями.

Артиллерия, приближенная вплотную к противнику, и саперы, подводившие мины под эскарпы, ворота, стены, башни и бастионы, обеспечивали успех пехоты, атакующей бастионы и проломы с применением холодного оружия, ручных гранат, штурмовых мостов и лестниц, фашин для забрасывания рвов и передвигаемых на возах плетеных из лозы и заполненных землей туров для защиты от пуль (перефразируя принцип Первой мировой, «Артиллерия и саперы разрушают, пехота занимает.»)

Для рискованной операции подрыва ворот петардами применялась узкая двухколесная дощатая «телега», наклонная подобно качелям, с бочкой с

порохом, укрепленной на ее конце, иногда снабженная железными штырями. «Телегу» за рукоятки разгоняли до поднятых цепями дубовых ворот, штыри втыкались в них, фиксируя сооружение на нужной высоте. Один из героев-петардщиков взбегал по «качелям», поджигал фитиль и ретировался вместе с товарищами, чтобы не пострадать при взрыве и от неприятельского огня.

Задачей батарей, применявших концентрированный огонь, было подавление огневых средств, разрушение брустверов бастионов, башен, ворот, пробитие брешей. Мортиры вели навесной огонь бомбами и зажигательными снарядами из траншей по закрытым целям и через стены. Террористический обстрел должен был сломить волю обороняющихся и вынудить их к сдаче.

Первый штурм

В свою очередь, осажденные сами собирались проводить активную контрбатарейную и контрминную борьбу, а также планировали вылазки. Рижане сразу показали непрошеным гостям, что смирно сидеть под обстрелом не намерены, уже 13 августа открыв массированный орудийный огонь по противнику, что впрочем, мало помешало развертыванию его сил.

Из Песчаных ворот вышли пешие ополченцы, наемники и конные литовские рейтары, к которым присоединились «черноголовые» братья на их прекрасных лошадях. Они атаковали позиции полка Сетона, но шотландцы, успевшие возвести брустверы у лагеря, сумели отбиться. Атака на следующий день снова повторилась и вновь была отражена храбрыми сынами страны, где мужчины носят юбки (виноват – килты.)

Здесь надо отметить, что вылазка не являлась какой-то отчаянной акцией обреченных, а проявлением обычной тактики гарнизона осажденной крепости – пехота внезапно атакует и разрушает то, что построили осаждающие, пока конница связывает их боем. Однако эта попытка оказалась единственной – сил для таких акций у защитников было мало, как и артиллерии, поэтому осаждающие получили возможность вести дальнейшую инженерную атаку почти без помех.

К 16 августа шведы установили осадную артиллерию, включавшую тяжелые 42-фунтовые картауны и 24-фунтовые полукартауны, стрелявшие ядрами весом по 11 и 19 килограмм, крупнокалиберные мортиры, метавшие зажигательные бомбы, и начали обстрел города и укреплений. Было повреждено много каменных домов, в том числе костел святого Якоба с коллегией иезуитов (что позволяет предположить, что огонь по оплоту католицизма велся намеренно.)

В ночь с 16 на 17 августа сводный финский отряд Коброна и герцога

Юхана в составе 3 600 пехотинцев из полков Коброна, Финляндского Ассарссона и Карельского Кройца, с 750 рейтарами рот Коброна, Курка, Паули, Матсона, Мортенссона, Монссона, Мунка и фон Гротхузена несколькими эшелонами переправился на галерах и баркасах с пушками и лошадьми на левый берег реки и прилегающие острова. Действуя под сильным обстрелом городских батарей, бастиона Маршталъ и кораблей рижан, отряд Коброна до 21 августа захватил Фридрихсгольм, где окопался отряд герцога Юхана, Дювельсгольм у Красной башни, Майстергольм, Эббенгольм и Загерсгольм, берег с перевозом. У Красной башни по обоим берегам речки Марупите финны начали спешно возводить пятиугольные шанцы с орудиями, на четырех больших островах оборудовать редуты и батареи, 18-19 августа открывшие огонь по городу. Огнем с Эббенгольма был накрыта и потоплена неприятельская галера, после чего рижане отвели свои корабли в каналы и гавани у бастиона Маршталъ и в Новый порт.

23 августа отряд герцога Юхана с налету без сопротивления взял замок Дален (потом гетман в письме королю всюю костерил герцога Курляндского, не озаботившегося послать в замок хотя бы несколько десятков солдат, - этого хватило бы удержать его от тысяч осаждавших.) На курляндскую сторону были высланы разведывательные разъезды рейтар, установившие местонахождение литовского лагеря и вызвавшие там сильный переполох.

Захватив и укрепив плацдарм на левом берегу, шведы получили решающее преимущество: возможность обстрела города «в упор» со стороны реки и создания заслона от войск Радзивилла, помощи которого ожидала Рига. Теперь даже рыбацкая лодка не смогла бы проскользнуть мимо шведов. Новый лагерь был поручен Выборгскому губернатору Генриху Флемингу, а сам шанец получил имя Коброна.

20 августа полки Сетона и Мансфельда закончили оборудование батарей против «полумесяца» и бастиона святого Якоба, соединившись меж собой траншеями. Противники сблизилась настолько, что могли перекрикиваться. 23 августа шведы приступили к массовой бомбардировке сначала бастиона святого Якоба, а затем и города и укреплений, продолжавшейся целых шесть дней.

24 августа рижский сенат направил новое послание Радзивиллу с отчаянным призывом от помощи.

25-го вся ярость батарей обрушилась на бастионы святого Якоба, Нового порта и Песчаную башню с «полумесяцем». В ночь на 26-е и 30-е шведы дважды пытались нападением со стороны реки и рва, используя лодки и фашины, форсировать ров и атаковать бастион Маршталъ, но защитники отразили атаки. К тому же разорвались при стрельбе нескольких шведских

орудий, удачным попаданием рижским канонирам удалось взорвать вражеский пороховой погреб. В ночь на 29-е защитники отразили попытку забросать фашинами ров у Песчаных ворот.

Три дня 27-29 августа стали кульминацией канонады, в отдельные часы на улицы и дома падали сотни «гостинцев». Шестидневная бомбардировка, за время которой на город и бастионы обрушилось более 6 тысяч ядер и бомб, продолжалась до 29 августа, после чего наступила относительная тишина, - шведы получили известие о приближении литвинов.

Артиллеристы занялись разведкой целей и приведением в порядок материальной части, при интенсивной стрельбе разорвало немало орудий и побило людей, а запасы пороха и ядер нуждались в возобновлении. Навесной огонь продолжали только установленные в передовых параллелях мортиры.

Первый штурм был отбит, но последствия многодневных обстрелов оказались бедственными. Были повреждены 6-метровые брустверы бастиона святого Якоба, вышла из строя его артиллерия, разбиты ворота Песчаной башни и бруствер «полумесяца». От ядер и пожаров сильно пострадали городские здания и соборы, особенно в восточной части, несколько попаданий разрушили ратушу, большие жертвы понесло мирное население. Однако защитники, работая по ночам, быстро восстанавливали укрепления. В них вселяла надежду весть о скором спасении — к городу подошло войско Радзивилла...

Силы и планы Радзивилла

До 20 июля гетман находился в Вильно, забрасывая тревожными, но бесполезными письмами короля, сенаторов и рижский магистрат, затем, чуя приближение военной грозы выехал в Жмудь. 3 августа, находясь на полдороге, в Вижунах, он получил донесение Шварцхофа о том, что «к Дюнамюнде подошли сто шведских кораблей», а 5-го к нему доставили первого взятого пленного. 6 августа князь разбил военный лагерь в Ашкурате при Биржах, где был назначен сбор войска, но остался местом недоволен и 15-го перенес стан в Радзивиллов, 17-го в Залмуйжу, 20 августа в Балдон, таская своих жолнежей по Жмуди и Курляндии, как кошка котят.

Говорить о каких-то реальных планах командующего по деблокаде Риги, наверное, нельзя - они бывают только у тех стратегов, кто способен навязать свою волю противнику. А тут как бы Радзивиллу, князю на Биржах и Дубинках, не сдать родовой замок!

Гетман, скорее всего, надеялся, что ситуацию удастся вытащить. Рига свяжет шведов упорной обороной до сбора и прибытия подкрепления,

литовская конница изматывает противника в «подъездовой войне», отрезет осадный лагерь от снабжения и порознь побьет какие-то отряды. А там, глядишь, и военная фортуна улыбнется, Ходкевич разгромит басурман, заключит мир, придет на подмогу с коронными гусарами, казаками, посполитым рушением, и устроим шведам новый Кирхгольм, не хуже прежнего!

Но это были мечты. Пока же приходилось уповать лишь на Пана Бога и пресветлую Панну Марию, покровительницу польского и литовского рыцарства, чтобы явили чудо. На короля и сейм надежды были плохи, - даже после высадки шведов получить войск и денег главнокомандующему, несмотря на все мольбы, не удалось.

Война застала литвинов в состоянии организационного хаоса и лихорадочного формирования хоть чего-нибудь. Большая нехватка сказалась в опытных командирах – проверенные воины референдарь литовский, староста велижский Александр Корвин Гонсевский (бывший «комендант Кремля») и хорунжий литовский, воеводич смоленский Миколай Абрахамович еще не прибыли с восточных рубежей, воевода полоцкий Януш Кишка отнекивался от командования. Сил гетмана на все не хватало, он вынужден был разбрасываться, одновременно занимаясь организацией обороны и со стороны Лифляндии, и с непредсказуемой и опасной московской стороны, и набором войск, и выбиванием подкреплений и денег из короля и сейма. Польный писарь Ярош Пясецкий убыл с Ходкевичем на Подолье, а заместителя не оставил, штабные дела и финансовый учет были запущены, в то время как ротмистры самовольно меняли стоянки, не выполняли план набора и хором требовали свою «четверть»- кварталный «жолд».

Собственные ресурсы Великого Княжества, Инфлянт и Курляндии оказались просто плачевны. По выражению гетмана, в поветах от прежних боевых хорунжих и товарищей после всех наборов и мобилизаций остались одни «вымолотки». Как можно судить по письмам гетмана королю и старосте жмудскому Ярошу Воловичу, и тот, по его выражению, «дробязг», что удалось собрать в июле-августе, оказался малобоеспособен.

Согласно универсалу гетмана от 18 июля в лагере в Ашкурате близ Митавы должны были собраться сроком до 6 августа двадцать хоругвей (рот) конницы и пехоты: гусарские - гетманская Адама Стецкевича, референдаря литовского старосты велижского Александра Корвина Гонсевского, воеводы полоцкого, старосты парнавского Януша Кишки, писаря литовского князя Ивана Друцкого-Соколинского, воеводича смоленского хорунжего литовского Миколая Абрахамовича, каштеляна минского Яна Головчинского, Яна Франкевича-Радзыминьского, Мельхиора Сесицкого, Яна Покирского; рейтарские - Миколая

(Николауса) Корффа и Георга Врангеля; казацкие - Яна Копца, Кшиштофа Бонецкого и Давида Константиновича,, татарская рота Шахана (Шахума?), пешие роты - гетманская Яна Дзевчепольского и Михала Корсака, Валериана Войдата, Яна Укольского и Кшиштофа Чеславского.

Гусарские и казацкие роты, а в Курляндии и Лифляндии рейтарские собирались согласно королевским патентам («листам пшиповедным») на «товарищеской» основе. Набирали столько людей, сколько денежных «порций» (доль) для каждого рода войск определял сейм. Получивший королевский патент ротмистр сам или с помощью повятовых старост и хорунжих, ведавших сбором местного ополчения, приглашал в свою роту или хоругвь определенное количество достойных «товарищей»-шляхтичей на оговоренный срок, чаще всего на квартал («четверть»), за установленную сеймом ставку «жолда» (в то время 50 злотых на гусара и рейтара и 40 злотых на казака в квартал). Товарищи, получив деньги, снаряжались сами и собирали свой небольшой «почт», в переводе «штат», «список», то есть боевую челядь («пахоликов», «почтовых»), а также заштатных обозных «цуров» для хозяйственной obsługi. Малоимущие выступали сами по себе или поступали в почты богатых товарищей и ротмистров. «Жолд» выдавался только самому товарищу, на него он и снаряжал и содержал своих людей.

К гусарской кавалерии предъявлялись особые требования по конскому составу и оснащению. Термины «казаки», «казацкие роты и хоругви» в польских документах и источниках иногда означали не запорожцев, а польско-литовских шляхтичей и их почты, оснащенных соответственно казакам, то есть выступавших в легкоконном варианте, на казацких, а не «шляхетских», то есть рыцарских конях.

«Посполитое рушение» (ополчение) с некоторых литовских повятов, а на деле те же нанимаемые («заценжные») сроком на квартал гусарско-казацкие хоругви, смогли собраться только в октябре, а то и в ноябре (до 800 коней.) Тогда же прибыли и немногочисленные «охотничьи» частные почты, добровольно выставляемые на тот же срок за свой счет патриотически настроенными вельможами и богатыми панями (всего до 400 коней.) Гетман писал Сигизмунду в середине сентября: «С повятов никого нет, а прибыли бы, не слишком бы нас укрепили, зная ту готовность, что меж ними обычно бывает...»

Радзивиллу удалось выпросить у короля разрешения на то, чтобы некоторые формируемые для похода в Подолье части - гусарскую роту Януша Кишки, рейтарские роты Генриха Шмеллинга, Карла Франца, Иоганна Шварцхофа и Каспара Тизенгаузена, оставили бы ему. Все, что гетман найдет в Литве годного, ему было разрешено забирать себе. Ротмистрам, повятовым

хорунжим и старостам было дано приказание готовить выбранцев. Надеяться на то, что получится быстро поставить в строй хотя бы треть «компута», не приходилось. У некоторых рот истек срок контракта, и гетман опять вынужден был платить им из своих средств.

От тысячного казацкого полка Давида Константиновича-Посудзиевского по прибытии с Украины осталось 200 коней — прочие на пути подбились и захромали. Литовских татар прибыло всего с полсотни.

Был срочно нанят со службы австрийскому императору большой отряд «лисовчиков», вольной конницы, печально известной на Руси разбойничьими рейдами «Смутного времени», а в Германии и Чехии — участием в разгроме протестантов имперцами-католиками.

Прозвище они получили в память своего покойного шефа, приговоренного на родине к смерти за «рокош» бывшего гусарского ротмистра и политического авантюриста Александра Лисовского. После того, как в 1616 году он внезапно на походе замертво упал с лошади, завершив тем самым свои московские приключения, гонимый правительственными войсками отряд его хлопцев ушел за границу разоренной России и подался на новые международные авантюры и заработки.

К 1621 году число лисовчиков увеличилось до 3 тысяч. Уже мало кто из них был старым ветераном походов Лисовского — просто само имя их дало название роду наемной легкой конницы. Формировались они также по товарищескому принципу, воевали по-татарски на двух-трех заводных конях, не имея железных доспехов, как разбойники, сами выбирали себе атаманов (то есть полковников) и жили войной и добычей. Даже в Речи Посполитой, где шляхетскими дебошами никого было не удивить, лисовчиков побаивались, стремясь побыстрее и подальше сплавить на какую-нибудь войну. В их рядах попадалось много вольных казаков, преступников, людей вне закона и «персон нон грата», шляхтичей, приговоренных к «баниции» (изгнанию) и «инфамии» (лишению чести с запретом вступать в брак.)

Командовал этими лихими партизанами численностью 500 сабель «инфамис» Петр Якушевский, приговоренный на родине к бесчестью. (Впоследствии гетман велит предать его смерти не только гражданской, но еще и физической, — за то, что к грязным рукам полковника прилипли чистые солдатские деньги его лисовчиков.) Но сейчас Радзивилл выдал ему королевский «лист пшиповедны» на казацкий полк в 500 сабель (хоругви Петра Якушевского, Якуба Ружича и Кшиштофа Дружбича.) Радоваться приходилось и «лисовчикам», но их прибытия ждали только в октябре.

Компуповые войска и выбранцы в Курляндии и Лифляндии собирались за нехваткой людей и амуниции месяца полтора-два. Бароны и крестьяне

откровенно саботировали мобилизацию. «Немыслимая вещь, чтоб при столь дерзком нападении неприятельском так лениво собираться могли» - сетовал гетман в письме королю. Курляндские роты Георга Врангеля (100 коней) и Миколая Корффа (150 коней) прибыли в лагерь только к середине августа. По горькому замечанию гетмана, «шляхта инфлянтская, вместо того, чтобы в лагерь поспешать, или спит на оба уха в своих домах под боком у неприятеля, или явно к нему пристала...»

Некоторые ротмистры вообще вышли из повиновения. Генрих Шмеллинг, уже набравший одну роту на Украину, набрал в Литве и вторую, которую фактически присвоил и уклоняясь всяческими способами, упорно не приводил к гетману. Другой полководец, Карл Франц, набравший в Курляндии несколько десятков солдат, но не получивший королевского «листа пшиповеднего», стал кочевать со своими рейтарами по Лифляндии и Жмуди, грабя обывателей. Каспар фон Тизенгаузен, которому поручили набрать 50 рейтар и пехоту, напротив, отговаривался неполучением патента. Что предпринял гетман? Ему пришлось... пожаловаться на ротмистров королю (!)

Острая нужда была в хорошей пехоте. В августе посол в Англии Ежи Оссолинский с разрешения короля Якоба пригласил на службу Речи Посполитой 300 английских и шотландских солдат капитана Артура Астона и 300 ирландцев капитана Джекоба Батлера. В сентябре эти роты прибыли в Данциг, но в литовский лагерь наемники пришли в количестве 500 человек только в феврале 1622 года.

Пока что «пехура» оставляла очень многого желать. Брестские и шавельские хлопы-выбранцы с королевских экономий Литвы под командой Кшиштофа Олдаковского, Яна Укольского и Кшиштофа Чеславского, собранные крестьянской «громадой» по одному человеку с 20 ланов пахотной земли с мушкетом, секиркой, саблей, порохом, свинцом, харчами и платьем, годились только копать шанцы. Лифляндские и курляндские даточные, предназначенные для гарнизонной службы, то есть для обороны замков, были не только малобоеспособны, но и ненадежны. К концу августа собрать удалось не более 500 выбранцев, включая небольшой отряд, набранный для обороны Дерпта.

Ливонские крепости и замки, которые гетманом поручено было срочно привести в порядок участнику прошлой войны Мариану Ольшевскому, тот нашел в крайне запущенном состоянии (гетман писал королю: «тверди так опали, что не стенами, а грудью защищаются».)

Даже то малое, что получал, Радзивилл вынужден был сразу же бросать на помощь рижанам, в Дюнамюнде и Кокенгузен, не имея возможности создать ударный кулак. Если Густав оперировал корпусами, то гетман – ротами. Рейтар Шварцхофа, как отмечалось выше, в начале июля пришлось срочно

отправить в Дюнамюнде, роты Сердана и де ла Барра - в Ригу. Туда же предназначались и пешие хоругви Яна Укольского и Кшиштофа Чаславского, но шведы упредили, взяв город в кольцо, и их послали в другие места. Отряд Яна Укольского и Валериана Войдата, а также 50 казаков и 20 местных выбранцев был направлен в Кокенгузен, где удалось собрать гарнизон в 275 человек.

В то время как Густав громил из пушек Ригу, а Радзивилл тщетно выпрашивал у короля, сенаторов, канцлера Сапеги, подскарбия Кшиштофа Нарушевича и старосты жмудского Яроша Воловича пополнений, до долгожданного мира с турками оставался всего месяц. Десятки тысяч жолнежей еще только собирались или двигались к Днестру, когда в начале сентября 1621 года польско-литовско-казацкое войско гетмана Ходкевича разбило полчища турок и татар в Хотинской битве. Украина была спасена, но торжество Войска Польского омрачилось горем — отдал Богу душу первый полководец Речи Посполитой. 8 октября стороны заключили мир, и лишь 10 ноября войска стали распускать. Дорого яичко ко Христову дню...

К 26 августа войско Радзивилла, согласно докладу князя королю, насчитывало всего-навсего 1 500 жолнежей. Эти «чудо-богатыри», численно в двенадцать раз уступавшие противнику, в том числе в пехоте в двадцать раз, в кавалерии в пять раз, а в артиллерии просто на порядок, теоретически должны были не только сикурсовать Ригу, но и удерживать линию Двины. Гетман писал старосте жмудскому Воловичу: «В земле инфлянтской так плохо, что горше и быть не может. Лишь только Ригу, Диамент и Кокенхауз удерживаем, а не удержим, другие крепости что неприятель тылу оставил, потеряем, и на Курляндию враг посягнет, и в Литве страху наберутся». Радовало лишь одно — что «небожик Густав седерманский» двинулся на Ригу, а не сразу на Вильно.

Конечно, бравому польско-литовско-украинскому рыцарству, воевавшему согласно девизу гетмана Ходкевича «Сначала бить, считать после!» было не впервой побеждать превосходящие силы противника. В 1577 году под Любешувом 2 тысячи поляков и казаков разбили 12-тысячное войско Данцига и его немецких наемников. В 1605 году Ходкевич при Кирхгольме с 3,4 тысячами (где бы еще Радзивиллу еще взять эти тысячи?) растоптал и понес по кочкам 11 -тысячные полчища Карла (у Густава вдвое больше!) В 1610 году гетман Жолкевский с 7 тысячами гусар и казаков наголову разгромил под Клушином 35 - тысячную (по явно завышенным польским оценкам) рать Дмитрия Шуйского и Делагарди, после чего бояре избрали на московский трон королевича Владислава. Под Хотинем в течение сентября 1621 года 75 - тысячное войско Ходкевича, Сагайдачного и Любомирского выстояло против шести штурмов 200 тысячной турецко-татарской армии и спасло Речь Посполитую от порабощения.

Но Жолкевский и Ходкевич были гениями войны. А Радзивилл, хотя и являлся в свои 36 лет некоронованным королем Литвы, наследственным главой могущественного владетельного дома, государственным мужем, богатейшим магнатом, видным парламентским политиком, законодателем и уже весьма опытным, заслуженным в битвах военачальником, безусловно достойным своего гетманского звания, все-таки гением не был и чудеса творить не умел.

К тому же Густав Адольф – это не его папа Карл, который сам безрассудно забрался в капкан, не трусливая бездарь Дмитрий Шуйский и не темный басурман султан Осман Второй. И армия у него другая. И нет, увы, у Радзивилла тех крылатых орлов-гусар Жолкевского и Ходкевича. Да будь ты сам хоть Ганнибал, хоть Юлий Цезарь...

Действия Радзивилла под Ригой

Наверное, гетману было самому очень неловко в ответ на все призывы рижан о помощи напоминать им о верности короне, посылать по 100 солдат, давая ценные советы укреплять город, Дюнамюнде и привлекать к обороне ливонских дворян. В довершение всех невзгод, в самый разгар осады его угораздило тяжело захворать на целых две недели, с 25 августа по 10 сентября, что сильно сказалось на боеготовности литвинов. И все-таки Радзивилл, несмотря на недуг, встал во главе своих малых сил и повел их на Ригу.

Уместен вопрос: как он мог решиться напасть на 18-тысячное войско? Дело в том, что гетман получил на то универсал короля (вольно ему приказывать!) и обязан был его выполнить (а что было делать?) Командующему предлагалось совершить под Ригу «диверсию» (таким красивым военным термином король поименовал это заведомо безнадежное предприятие.) Общая идея похода, как следует из посланий короля гетману, а гетмана рижанам, была такова - выслать казаков тревожить шведский стан и коммуникации, отвлечь тем самым противника, разбить его силы на левобережье, прорвать блокаду города, переправиться с помощью рижан через реку и укрепить своими силами гарнизон.

Как известно, в армии иногда действуют, руководствуясь не рациональными мотивами, а потому что так командир приказал. Скорее всего, эти военные телодвижения были предприняты лишь ради спасения королевского, да и гетманского реноме. Князь Радзивилл, «брошенный на копья» своим же королем, оказался некоторым образом невольником чести. Как бы он оправдался, если получив призыв о подмоге погибающих под ядрами рижан и прямой приказ Его Королевской Милости, простоял бы все время

осады в своем лагере? А Сигизмунд, не пошевеливший пальцем для спасения своих владений, вообще выглядел бы жалко.

13-го в лагерь гетмана в Балдоне южнее Риги на дороге на Бауск прибыли послы курляндского герцога Фридриха и с ним две рейтарские хоругви в качестве подкрепления. У Радзивилла появился какой-никакой кулак примерно в 900 конников, но это был отряд для набега, а не для деблокады Риги. Тем временем шведские, а вернее, финские рейтары, окончательно обнаглев, уже рыскали у самого литовского стана (хотя должно быть наоборот!) В ночь на 30 августа в лагере поднялась тревога, якобы приходили вражеские «охотники за языками», до утра все ждали нападения, вдогон за шведами поскакал отряд Стецкевича, но не догнав противника, вернулся.

25 августа 1621 года в литовском лагере насчитывалось:

- две гусарских роты, в том числе гетманская поручика Адама Стецкевича в 300 коней и Мельхиора Сосницкого в 100 коней;

- две курляндские рейтарские роты Николауса фон Корффа и Георга Врангеля по 100-150 коней;

- три казацкие роты, Давида Константиновича-Посудзиевского в 100 коней, Яна Копца в 100 коней и Кшиштофа Бонецкого в 70 коней, рота литовских татар Шахума в 50 коней;

- гетманские пешие роты Яна Дзевчепольского и Миколая Корсака по 200 венгерских и литовских гайдуков (стрельцов), 240 брестских и шавельских выбранцев рот Кшиштофа Олдаковского и Яна Укольского.

Всего, таким образом, насчитывалось более 1 500 человек, в том числе 880 конников, - около 400 литовских гусар, 200 курляндских рейтар, 270 казаков, а также 640 пехотинцев, - 400 мушкетеров и гайдуков и 240 выбранцев.

28-го гетман вновь получил, на сей раз из Дюнамюнде, известие о бедственном положении Риги. Медлить далее было нельзя, и в ночь на 31 августа литвины, оставя обоз позади, всем войском выступили в поход. Днем раньше в город проник через вражеские линии посланец Радзивилла, - гетман обещал придти на помощь. Весть тут же разнеслась по городу и всем линиям обороны, отчаявшиеся было рижане воспряли, надежда на спасение воодушевила их.

Стойко перенося болезнь то в седле, то в шатре, вести авангард гетман поручил еще одному известному герою «золотого века» Речи Посполитой. 35-летний староста перновский и воевода полоцкий Януш Кишка герба Домброва (1586-1653), представитель знатнейшего в Литве магнатского рода, прославившийся в войнах со шведами и Москвой, питомец Виленского и Падуанского университетов, был Радзивиллу не только ближайшим соратником, другом юности, братом его жены Анны Кишчанки (по-польски «швагером»), но

и являлся будущим преемником его булавы польного, а затем и великого гетмана литовского.

31 августа пополудни с запада к левобережью наконец-то подошел польный гетман литовский со своим, скажем так, диверсионным отрядом. У замка Дален передовой отряд встретил и разогнал пикет кавалерии противника, взяв семерых языков. В пятом часу староста перновский и воевода полоцкий вышел с конницей (около 700 сабель) к шведским укреплениям левобережья у Красной башни и рижской переправы. Имея численное преимущество, он вступил в бой с конными пикетами Коброна и поначалу снискал успех «коронным» ударом в копья - литвины перекололи, порубили и утопили в реке несколько десятков рейтар, взяли в плен ротмистра Абрахама Розенкранца, двух лейтенантов и нескольких солдат (шведские офицеры немедленно были отправлены к польскому королю.)

Однако затем литовскую конницу ждал неприятный сюрприз - полевые укрепления первой линии, которые работающие финны успели возвести за две недели, и плотный перекрестный огонь пушек и мушкетов. На помощь старому боевому товарищу пришел гетман с резервными ротами, было предпринято несколько неудачных атак. Потери оказались велики, погиб ротмистр татарской хоругви Шахан.

Погарцевав вдоль «фортелей», безуспешно вызывая противника на полевой бой и не найдя слабых мест в неприятельской обороне, литвины отошли на запад к холмам, где поставили лагерь и наскоро окопались с тремя пушками. Для взятия «Коброн-шанца» у них не было в достатке ни пехоты, ни артиллерии. Впрочем, сил у них не было ни для одной из поставленных им задач. Как говорят на Украине, «пальцем сала не отрежешь...»

(У Швенгеля есть гравюра, изображающая конный бой литвинов со шведами у Красной башни, но каким образом рижанин мог рассмотреть подробности, нам непонятно, скорее всего, он творил по наитию).

Рижане, с долгожданной радостью увидевшие со стен на той стороне хоругви союзников и картину того, как гусары и казаки рубают супостата, попытались было соединиться с литвинами, выслав флотилию Берка. Но это привело только к напрасным потерям. Король Густав приказал подвергнуть массированному обстрелу рижский порт, шведские батареи и корабли, контролировавшие реку, топили все, что плавало. К тому же разыгралась непогода и поднялась волна. Поэтому последующие обвинения гетмана в том что рижане смотрели на бой со стен, как в театре, а на соединение не выступили, довольно сомнительны.

Это его подмога обернулась лишь военной демонстрацией, причем продолжавшейся недолго. Утром следующего дня литвины опять безуспешно попытались атаковать, однако, как только Коброн начал обстрел стана

Радзивилла, гетман приказал сниматься и уходить по митавской дороге на Шкаден, направив напоследок осажденным ободряющее послание с призывом держаться. В общем, славы себе ни действующий, ни будущий гетманы не снискали, хотя от позора, надо сказать, в буквальном смысле ушли.

«Без артиллерии мощной и пополнения войска и речи нет, чтобы Ригу выручить, хоть нам всем головы потерять...» - доносил Радзивилл королю 4 сентября и вновь униженно просил людей, пушек, пороха, возов и денег. 12 сентября он отправил под Ригу, которую Густав опять громил из орудий, отряд Миколая Корффа в 500 коней. Но лучше бы не отправлял - все их успехи ограничились тем, что «латыша поймали, который от шведов к нам направлялся...» Литвины подошли к реке и сразу же отошли, некоторое время преследуемые шведским отрядом. Инициатива была безвозвратно утрачена. Теперь литовское войско было способно разве что отражать набеги на Курляндию мелких неприятельских партий.

Завершающие бои

Всецело надеясь на своего верного Коброна и его упорных финнов, король, послав на плацдарм подкрепления, не предпринял против «гостей» никаких активных действий — все равно ближайший брод на реке был только под Кирхгольмом. С облегчением убедившись, что с Радзивиллом все обстоит не столь серьезно, Густав мог теперь заняться Ригой.

Шведские инженеры и солдаты к началу сентября сумели отвести в реку воду из крепостного рва у «полумесяца» (при этом литовский гарнизон Рижского замка никак не сумел помешать данной гидротехнической операции.) Огонь орудий вновь был сосредоточен на главной рижской твердыне, Песчаной башне, стоявшей, как скала, под ударами пудовых ядер, и бастионе святого Якоба.

Противники продолжили методичную и поэтапную минную войну. Шведские саперы, в основном солдаты полка Оке Оксиеншерны, отобранные по приказу короля из сведущих в горном деле рудокопов Далекарлии, день и ночь, как кроты, рыли туннели-сапы под неприятельские бастионы. День и ночь рижане, отслеживая эти минные работы с помощью слухачей, терпеливо подводили к вражеским ходам свои контрмины, а встретившись под землей, саперы враждующих сторон устраивали меж собой дикую резню.

Густав Адольф показывал чудеса энергии и неутомимости. Он садился в седло с первым светом дня, неустанно объезжал посты и осадные линии, ободрял солдат похвалой и шуткой, подстегивал окопные и минные работы, сам беря в руки кирку и лопату, лично планировал со штабом все боевые операции,

спал иной раз по два часа в сутки на сырой земле, расстелив плащ. Руководя всеми решающими приступами и появляясь в самых опасных местах, он несколько раз едва избежал гибели.

Неприятельские наводчики, только распознав на позициях высочайшую персону, немедленно открывали огонь, а когда они засекли королевский шатер на песчаном холме Сандберг, то стали просто за ним охотиться за Его Величеством.. Ядро, посланное от Песчаной башни каким-то рижским мастером своего дела, пробило шатер, когда он там находился, заставив срочно сменить место дислокации. Не раз ядра или бомбы падали в то место, откуда Густав только что отбыл. Однажды близ него убило и ранило нескольких солдат полка Сетона. В другой раз рядом был насмерть сражен осколками гранаты ливонский барон подполковник фон Штакельберг, платье короля забрызгало кровью. Однако в ответ на все мольбы окружения побережь себя Густав Адольф лишь цитировал императора Карла Пятого: «Пушки льют не на королей!»

Установленные на «Коброн-шанце» батареи стали терроризировать население города с левобережья. Шведы продолжили долбить Песчаную башню, а перед бастионом святого Якоба возвели брустверы, позволявшие забрасывать сидящего за валом противника ручными гранатами. Ядрами был разбит мост Рижского замка. Защитники бастионов сражались самоотверженно, ночью быстро восстанавливая разрушенное и пополняя потери силами с неатакованных участков.

2 сентября ради воскресного дня шведский король второй раз вызвал осажденных на переговоры, обещая городу пощаду и сохранение прав, упирая на то, что гетман город уже не выручит. Однако к сроку ответа не дождался, - направленный в город парламентар по какой-то причине не вернулся вовремя. Придя в ярость и пообещав не принимать более от рижан «пардону», Густав приказал отцу и сыну Врангелям поднять «хофрегимент» и взять наконец этот долбаный «полумесяц».

Гвардейцы, забрасывая ров фашинами, грудью ринулись на пули и картечь и ворвались на рavelин, загнав противников в ворота. Однако тут на них посыпались бревна и камни с башни, а потом очень своевременно сработала заложенная рижанами мина, подняв на воздух человек сто неприятелей. («Рижане, подкопавшись под вал, силу шведов побили.»)А затем осажденные еще и взорвали дамбу плотины, бурный поток хлынул в ров и шведский натиск буквально захлебнулся. Пройдя в буквальном смысле огонь и воду туда и обратно, «хофрегимент» откатился с большим уроном весь в грязи и копоты

3 и 4 сентября огонь батарей снова был сосредоточен на бастионе святого

Якоба. В ночь на 5 сентября шведы попытались навести штурмовой мост для атаки на «полумесяц» Песчаной башни, но эта попытка в буквальном смысле обломилась из-за чьей-то ошибки в сопроамате. Трудоемкая по изготовлению и едва воображимая по описаниям махина, состоящая из двух секций из скрепленных между собой досками и обитых полотном деревянных бочек, причем с настилом сверху от мушкетного огня, движимая канатами и блоками (!?), разошлась под тяжестью массы солдат, дружно рванувшихся навстречу славе и позорно провалившихся в ров к злорадству врага. Полковник Сетон при этом фронтовом испытании новой техники сломал ногу...

Однако конфузия не остановила короля – он приказал изготовить еще два подобных штурмовых монстра, пардон, моста. (Слава Богу, что не велел еще их забронировать, поставить пушки и приделать колеса!)

5 сентября вернулся наконец парламентар из Риги, сообщивший, что рижане, озлобленные за то, что Густав Адольф возобновил боевые действия (шведская канонада началась во время заседания совета), отказываются от всяких переговоров.

8 сентября шведы подорвали новые мины под контрэскарпом «полумесяца», однако, несмотря на поддержку девяти батарей, ворваться им туда не позволил фланкирующий огонь с бастионов святого Якоба и Нового порта.

Противоборство сторон, проходящее под непрекращающийся адский орудийный гром днем и ночью, на земле, на воде, под землей и в башнях над землей, достигло в эти последние дни наивысшего накала. В городе, заваленном убитыми, ранеными и умирающими, под смертоносным градом каленых ядер и бомб, жители дрались на укреплениях, забивались в подвалы или метались на пожарах своих жилищ, вздымавших пламя выше колокольни Святого Петра. Шведы приблизили свои траншеи на такое расстояние, что в дома уже залетали пули.

На перепаханых артиллерией и минами бастионах атаки сменялись контратаками, крест-накрест лежали живой на мертвом, мертвый на живом, свой на чужом. Бурлящая мутная вода из взорванных дамб несла по рвам в Даугаву солдатские тела. Кострами горели у пристаней корабли. Канониры, прокопченные как черти в аду, замертво валились от усталости и отравления пороховым дымом у раскаленных орудий, охлаждаемых ведрами уксуса. В вулканических взрывах подкопов взлетали на воздух земля и люди, в подземных пересечениях минных и контрминных галерей саперы вступали меж собой в яростные схватки, сражаясь в полутьме при свете масляных площадок лопатами, кирками, мечами, ножами, топорами и ручными гранатами.

Все было поставлено на карту в эти дни. На утро 9 сентября король

назначил решающий штурм «полумесяца» отборным отрядом из «хофрегимента» капитана Юхана Банера, Норрландского полка Густава Горна и полка Сетона под командованием шотландца Мастерса численностью 3 тысячи мушкетеров и пикинеров. По сигналу далекарлийские саперы разом подпалили пороховые дорожки, взорвав одновременно несколько мин. Гвардейцы Банера, будущего шведского фельдмаршала, первыми браво ринулись в огонь и дым, прорвались через куртину и разнесли петардой ворота между рavelином и башней.

В этом бою участвовал вместе со своим юным сыном знаменитый на всю армию французский наемник-гугенот, любимец короля Адам-Ришар де ла Шапелль, командир драгунского полка, набранного им из отъявленных сорвиголов и висельников (финские солдаты, исковеркав их благородную фамилию, прозвали отца и сына «большой и маленький Ласкепелле», что в приблизительном переводе означает «поставь на голову».) В решающий момент битвы раненый в атаке де ла Шапелль-старший совершил деяние, достойное римлян: призвал сына неустрашимо идти вперед, тот повиновался и пал, сраженный пулями, вместе с многими офицерами, которых призовые стрелки майских праздников легко распознавали в солдатских шеренгах по кружевным воротникам.

Бой был страшен. Хофрегимент превысил пределы своей обычной доблести, но и рижане дрались насмерть. Когда гвардии пришлось туго, король бросил в бой Норрландский полк Густава Горна, также будущего фельдмаршала и лифляндского генерал-губернатора, и полк Сетона. Трижды лучшие солдаты короля Швеции врывались на рavelин и трижды были выбиты с него контратаками ополчения «города мастеров». Наконец, гвардейцы, норрландцы и шотландцы, навалившись, взяли многострадальный «полумесяц», перебив его стойких защитников и приблизились вплотную к Песчаной башне, от которой после многодневного избиения осадной артиллерией остались практически лишь подвал и фундамент под грудой камней, и Песчаными воротам, такими же недосягаемыми.

Удивительно, но шведов снова могли выбить с «полумесяца» — боевой настрой ополченцев и солдат гарнизона был еще высок, но командование запретило им контратаковать, видимо, опасаясь потерять последние боеспособные силы. Впрочем, так как «калитка» в город была по-прежнему заперта, находиться под градом пуль и камней у самых стен противник и сам не стал, отойдя к вечеру обратно за свои брустверы. Однако успех дня был налицо, - это позволило далекарлийским «шахтерам» подвести мины под Песчаные ворота и в сам город.

Удержался бастион святого Якоба – уппландцы и седерманландцы

сумели взорвать петардами его ворота и завязали бой на бруствере, но вновь вынуждены были отступить после фланкирующего огня с соседних бастионов. Для новой атаки был подготовлен еще один штурмовой мост.

Осаждавшие потеряли за день до 200 человек, осажденные – вдвое меньше. Героический гарнизон города еще держался, однако защитники бастионов были сильно изнурены, дрались без резервов, в то время как их противник был способен непрерывно атаковать пехотными волнами.

«Шведские Аяксы» Банер и Горн получили тяжкие раны, однако не оставили поля боя. За дело 9 сентября они заслужили у короля рыцарское звание и крутое повышение в чинах. (Как там у Грибоедова: «На пару взяли мы траншею, ему дан с бантом, мне — на шею...»)

Отличились еще два будущих шведских фельдмаршала – Леннарт Торстенссон и шотландский лорд Патрик Рутвен, а также лейб-драбант Торстен Свенссон по прозвищу Стольхандске («Стальная перчатка») — будущий командующий шведской кавалерией в Германии.

Главными героями стали «шотландские Ахиллы», - ветеран московского похода, герой Клушина, Новгорода и Пскова Самуэль Коброн, раненый при обороне шанца своего имени при разрыве орудия, и его земляк, полковник Джеймс Сетон. Историки ему благодарны особо - он описал осаду в своем дневнике.

Капитуляция

Густав стал готовить взятие Песчаных ворот и бастиона святого Якоба, причем в решающем штурме после подрыва мин и артподготовки должны были принять участие все пехотные полки. 10-го канонада возобновилась, но 11 сентября пошли сильные дожди, сделавшие невозможным использование пушек и мушкетов. Король уже было отдал приказ о штурме, но канцлер Оксиеншерна и Делагарди сумели уговорить его в самый последний раз предложить рижанам капитуляцию. Король нехотя согласился, но перед тем «для верности» снова подверг город жестокому обстрелу из всех орудий, лишь в полдень 12 сентября выслал в город трубача (парламентера) с требованием сдачи в течение шести часов под угрозой лишения «милости», на условии сохранения прав и привилегий.

Руководство города вновь ответило отказом. Бургомистр в запале бросил парламентеру: «Кому нам сдаваться? Королю Шведскому Густаву Адольфу? Такого короля не знаем! Знали мы, правда, отца его, Карла, - так он всякий раз, как под Ригу приходил, бит бывал!»

Стремясь хотя бы ненадолго получить передышку от бомбардировок и

штурмов, выгадать время до помощи то ли Радзивилла, то ли Господа Бога, рижане вместо шести часов сумели выторговать себе двадцать четыре часа «на размышление». Конечно, размышляя здраво, они прекрасно сознавали, что все возможности устоять исчерпаны. В обороне пробита брешь, бастионы защищает горстка изможденных и израненных защитников, воля горожан к сопротивлению падает с каждым часом, а помощь не придет (это за все-то налоги и пошлины, отчисленные в бездонную казну Речи Посполитой!) Альтернативы не было...

Рижане выслали своего парламентаря, которого Густав намеренно задержал в лагере, приказав графу Мансфельду пригласить Уленброка и рижского синдика Рамниуса для переговоров и пленить их как заложников. Этот плохо характеризующий шведского короля ход, однако, не удался — рижане сами попросились на переговоры, которые начались в назначенные королем 10 часов утра 14 сентября.

Из руин Песчаных ворот вышли на встречу с королем Швеции бургомистр Генрих фон Уленброк и синдик с городскими секретарями и старшинами гильдий. На библейский вопрос: «Почто пришел ты воевать мирный град наш?» Густав Адольф отвечал: «Вы морской порт неприятеля моего, и потому нейтральными быть не можете. Того ради и снарядил к вам сильное войско с немалыми тратами...» (Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать!) Рижане предложили принять в качестве контрибуции 100 тысяч талеров, но это подаяние король презрительно отклонил, - он хотел всего и сразу.

На последнем рубеже обороны Уленброк пустился на военную хитрость, предложив королю пропустить в город «символический» контингент войск Речи Посполитой и принять капитуляцию не у города, а у литовского командующего. Мол, дескать, в этом случае Его Величеству лишь прибудет славы...

Однако шведский «Агамемнон» сразу понял, что «троянцы» собираются убить хотя бы одного из двух зайцев – либо устоять с помощью подкрепления союзников, либо спихнуть с себя перед королем Сигизмундом и гетманом ответственность за капитуляцию. Поэтому от предложенного ему «троянского коня» он свысока отказался: «Я не хотел бы покупать честь победы столь дорогой ценой, когда уже могу воспользоваться всеми завоеванными преимуществами моего положения...»

Терявший терпение король прибегнул к самому последнему доводу королей. Он пригласил делегацию на передовую и лично показал им подведенные под Песчаные ворота минные туннели, один из которых, по его словам, вел в центр города, а также обратил их внимание на полки, построены для последней решающей атаки. Густав Адольф недвусмысленно

дал понять, что если жители Риги, уже выказавшие достаточно хотя и героического, но напрасного упорства, не хотят превращения своего города в руины одновременным взрывом всех мин и бомбардировкой из всех орудий, кровопролитного штурма, резни и отдачи на три дня разнузданной солдатне, то им следует благоразумно согласиться на немедленную капитуляцию.

Рижане снова попросили позволения посоветаться, получив срок до полудня завтрашнего дня. В воскресенье 15 сентября в полдень бургомистр со свитой вынес ключи...

Густав Адольф держался хозяином положения. Врученное ему синдиком послание магистрата он, не читая, скомкал и бросил оземь, так как не был поименован в нем королевским титулом, и осведомился, захватил ли с собой бургомистр то приспособление, которым открываются ворота его города. На вопрос синдика, сохранит ли он Риге права, пожалует ли гражданам милость (то есть не допустит резни и грабежей) и даст ли свободный выход гарнизону и всем желающим, король ответил утвердительно.

На том и согласились. Бургомистр вручил шведскому королю ритуальные ключи. Как они выглядели, сохранились ли и где именно, автору неизвестно. Известно, правда, что когда город в 1710 году сдавался Шереметеву, хитрые рижане таким образом подсунули русскому фельдмаршалу взятку в виде художественных золотых изделий изрядного веса...

Рига, хотя и почетно, все-таки наконец капитулировала, и стороны подписали кондиции. Город признавал власть над собой шведского короля и его наследников, ему оставались его права и привилегии, однако в случае, если мир между воюющими державами будет заключен в течение последующих трех лет, Рига вольна была вернуться обратно в подданство Речи Посполитой. Каштелян Тизенгаузен королевский замок сдал отдельно, гарнизон его получил свободный выход.

Король в Риге

В воскресенье 16 сентября 1621 года Его Величество Король Шведов, Готов и Вендов, Великий герцог Финляндский, герцог Эстляндский и Карельский, владетель Ингерманландский и отныне фактически владетель Рижский и Лифляндский, торжественно въехал на белом коне в покоренный город через отворенные ратными трудами его пехотинцев, артиллеристов и саперов Песчаные ворота.

Густав Адольф с принцами, канцлером, фельдмаршалами, вельможами и военачальниками первым делом отправился в собор святого Петра, где совершилась служба в благодарение победы и отмщения сыном того поражения,

что потерпел под Кирхгольмом его отец. При пении «Te Deum» («Тебе, Бога, хвалим!») салютовали все орудия шведского лагеря и пушки рижских бастионов. Шведские караулы сменили городскую стражу. На почетную должность коменданта Рижского замка, где водворилась новая власть, был назначен фельдмаршал Яспер Андерссон Крууз аф Эдебю, а лифляндским генерал-губернатором стал граф Якоб Делагарди. Наступила 90 –летняя эпоха шведского владычества...

В тот же день король принял в полном составе рижский магистрат, явившийся к нему с изъявлением благодарности за оказанную милость и для принесения присяги шведской короне. По отношению к отцам города победитель был по такому случаю великодушен, но все-таки строго им попенял, заодно пройдясь и по местным «средствам массовой информации»:

«Я готов забыть и все ваши неразумные действия по отношению ко мне, и ваше упорное бессмысленное сопротивление, продолжавшееся в условиях, когда вы были лишены всякой надежды на помощь, - в чем я, однако, усматриваю и похвальный мотив. Я забыл всю клевету, все непристойные сатиры, злонамеренно распространявшиеся у вас в мой адрес, дабы сделать меня одиозной фигурой в глазах населения Риги. Считаю для себя недостойным выяснять имена авторов. Ожидаю от вас лишь той же верности, которую вы провозглашали моему кузену, королю Польскому, за что он ограничивал ваши старые права. Я же, со своей стороны, намерен при любой возможности даровать вам новые...»

19 сентября рижский рат направил своему уже бывшему сюзерену королю Польскому и Великому Князю Литовскому послание с вестью о произошедшем для польской короны несчастье, оправданиями капитуляции и принесения присяги его злейшему врагу. Если «выжать воду» из этого длинного и витиеватого латинского текста, то, отвергая обвинения в измене и добровольной преждевременной сдаче, рижане всю вину за падение города, за который его жители целый месяц насмерть сражались в полном одиночестве, недвусмысленно возлагали на тех его «защитников», кто пренебрегая явной военной угрозой, не оказал ему в тяжелую годину своевременной помощи. В общем, как говорится: «Прости, дорогой, но красотка Рига уже не твоя. Стеречь надо было лучше! На всякий случай до свидания, как там еще власть повернется, а наше дело купеческое...» Подобное же послание было отправлено гетману.

Завоеватели повели себя в городе, к приятному удивлению обывателей, относительно прилично. Еще бы - армейский дисциплинарный артикул за авторством короля Швеции Густава Адольфа предусматривал за насилия и грабежи в отношении мирного населения неукоснительную смертную казнь

всякими способами, а всего «расстрельных» статей в этом суровом документе насчитывалось аж сорок четыре (для сравнения - в польских гетманских артикулах их было только двадцать пять, и то жестокость их часто смягчалась неисполнением.)

Солдаты Норрландского, Вестготского, Енчепингского и Карельского полков, полка Сетона и эскадрона Седерманландского полка, финских рейтарских рот Акселя Мортенссона и Ханса Мунка, вошедших в состав гарнизона, совместно с недавними своими противниками занялись восстановлением разрушенных укреплений, зданий и евангелических храмов, в которые воины Густава Адольфа, как выяснили рижане, ходили даже чаще, чем в злачные места.

25 сентября король исполнил свои обещания пожалованием Риге грамоты с обязательством защищать город и его храмы, подтверждением прежних привилегий, дарованных еще по Дрогичинскому договору королем Польши Стефаном Баторием: особых торговых прав, таможенных пошлин, автономии и самоуправления, запрета на проживание нежелательных иностранцев и евреев, свободы вероисповедания.

Последняя статья, однако, не касалась отцов-иезуитов, которых сразу грубо выдворили из основанной Баторием коллегии при костеле святого Якоба, лишили имущества и взяли под стражу. Король-протестант не отказал себе в удовольствии в первый же день своего торжества навестить униженных идеологических противников, сказать святым отцам несколько теплых слов («что, отцы, помогли вам ваши ляхи!?!»), и объявить, что они высылаются обратно к их любимому Сигизмунду с пожеланиями поскорее склонить кузена к миру. После этого бедных рыцарей ордена Иисуса Сладчайшего под конвоем через подкопы под валами (!) выпроводили из города и переправили на левый берег. Вскоре та же участь постигла и всех рижских католиков, а в соборе святого Якоба вновь восторжествовало «аугсбургское исповедание» Мартина Лютера.

Торжественная церемония пожалования грамоты и принесения церковной клятвы была впоследствии увековечена в великолепном витраже Рижского собора, которым жители и гости латвийской столицы могут полюбоваться и поныне. Как и некоторыми другими пережившими века свидетельствами осады 1621 года, - грамотой Густава Адольфа в городском архиве, восстановленной заново в середине XVII века Песчаной (Пороховой) башней и башней Рамера, неузнаваемо перестроенными Ратушей и Рижским замком, ныне резиденцией президента Латвии, Домом Черноголовых и величавыми соборами, в стенах которых остались следы от шведских ядер.

Со звонницы святого Якоба, вновь возвращенного протестантам, шведский король повелел снять старинный колокол нюрнбергской работы, первым возвестивший рижанам о приходе завоевателей, и отправить его в Стокгольм, в одну из церквей, где он, возможно, и до сих пор призывает к молитве жителей шведской столицы. Ведь прошло с тех пор всего-навсего каких-то 410 лет...

Радзивилл в Литве

Для гетмана весть о падении Риги, которая дошла до него 17 сентября, стала настоящим потрясением. Его он выразил в послании королю (см. приложение 2), в котором едва сдерживал гнев в адрес главного виновника произошедшего. Он-то знал, кто будет крайним...

Августовско-сентябрьский сейм 1621 года за все время работы так и не принял закона о дополнительном наборе войск для войны со Швецией. Лишь невероятными хлопотами и интригами Радзивилла, литовских сенаторов и послов уже после роспуска парламента удалось задним числом вписать эту статью, так сказать, «постскрипум». Сейм ввел три новых военных налога, в частности, поземельный, поголовное обложение евреев и сбор с «герцогской» Пруссии и ее таможен, что должно было дать Литве еще 200 тысяч злотых. Однако собрали только 16 тысяч, чего не хватило бы даже на годовое содержание гусарской роты. Маразм и король Густав крепчал, на улице шел дождь и легкая кавалерия...

И тогда, и впоследствии князь всячески оправдывался за потерю литовского «окна в Европу» в глазах короля, сейма, магнатов, вельмож и «общественного мнения», издав «Рассуждения Его Милости князя Кшиштофа Радзивилла о течении войны инфлянтской с Густавом, князем судерманским, в 1624 году на сейме варшавском Его Милости Королю и всему государству коронному письменно с почтением поднесенные» (кстати, это, кажется, единственный военно-исторический труд командующего одной из армий эпохи Тридцатилетней войны.)

Все правильно – о войне предупреждал, жолнежей и денег не получил, Ригу с горстью людей выручать ходил, да еще и захворал некстати (или наоборот, очень вовремя.) Но кому от оправданий легче? Колесо истории уже повернулось...

Несколько слов о судьбе литовских защитников города. 20 сентября, после известия о падении Риги сдался на условие свободного выхода («на честный аккорд») гарнизон никому уже не нужного Динамюнде. Разгневанный гетман распорядился снять с коменданта голову, и суд приговорил Иоганна Шварцхофа к смертной казни по обвинению в измене и сдаче крепости врагу за

обещание принять его со своими людьми на шведскую службу. Однако, видимо, потом ротмистр был оправдан, так как сам он и его рота отмечались в составе войска и далее. Дело это было темное, но так или иначе вернулась к своим едва четвертая часть его роты, а крепость, из которой, по некоторым сведениям, пушки вообще не стреляли, досталась шведам в сохранности.

Уже в тексте Альтмаркского перемирия 1629 года Дюнамюнде даже не упоминается. На рисунке 1630 года она в плачевном состоянии. Затем средневековую твердыню на сухом русле стали разбирать на камень для строительства крепости Ноймюнде, принявшей на последующие века ее имя – Дюнамюнде (Усть-Двинск, Даугавгрива.).

Гийом де ла Барр, видимо, разуверившись в нанимателе, перешел на шведскую службу, причем король Густав сразу же выдал перебежчику патент на вербовку драгунской роты. Сердан остался верен Радзивиллу, в гвардии которого он служил в 1617 году, и по условиям капитуляции возвратился в лагерь со 100 рейтарами. Там он якобы «повел себя низко» (видимо, с горя пустился во все тяжкие.)

В дальнейшем двум землякам предстояло воевать друг с другом, однажды они даже повстречались в бою. Потомки Сердана в истории Польши и Литвы не прослеживаются, а род де ла Барров в Швеции и Финляндии не угас, - представители его отмечались там вплоть до нынешнего времени.

Заключение

В самом конце данного повествования можно подвести некоторые военные итоги. Осада Риги, наряду с неудачей под Псковом в 1615 году и успешным взятием неприступного Вюрцбургского аббатства святой Марии в Германии в 1632 году — одна из трех подобных операций великого короля-полководца. Она представляет собой несомненный военно-исторический интерес в плане борьбы «брони» со «снарядом», - передовой европейской осадной техники и тактики того времени с передовой голландской бастионной системой укреплений. Драматические события «рижской Илиады» насыщены интригой сюжета, не уступающего вымыслу мифа и кинематографа.

Взятие Риги должно было стать первой ответственной проверкой и пробой сил новой армии Густава Адольфа. На карту был поставлен личный авторитет короля-полководца, хорошо запомнившего свое фиаско 1615 года под Псковом и неудачи 1618 года в Лифляндии. И не только авторитет, а может быть, и власть, и голова — как известно, народы не прощают своим монархам проигрыша дорогостоящих войн (интересное, мистическое совпадение - королю Швеции под Ригой было 27 лет, столько же, сколько царю Петру под Нарвой...)

Дебют его был блестящим, а осада, что называется, «правильной». Мориц Оранский, принц Нассауский и Иоганн фон Вальхаузен могли бы гордиться своим учеником. Сам Густав Адольф и его военачальники и инженеры, разумеется, не могли быть знакомы с вышедшими в свет в конце XVII века фундаментальными трудами маршала Вобана «Книга об атаке и обороне крепостей» и «Главными правилами военной науки» Монтекукколи. Однако ими были применены на практике почти все основные положения великого французского фортификатора и австрийского военачальника, включая способы блокады крепости, выбора места и оборудования осадного лагеря, внутренней и внешней осадных линий, определение наивыгоднейшего пункта для штурма, методы проведения инженерной, минной и артиллерийской атак, устройства параллелей, траншей, апрошей, ложементов, батарей и минных галерей, овладения бастионами.

Крепость, быть может, самая мощная на берегах Балтики, сдалась всего через три недели после начала бомбардировок, а практически - после второго приступа. Однако оборона Риги ее жителями дала яркий пример хотя и краткого и безнадежного, но героического сопротивления городского ополчения одной из лучших в то время армий Европы, ведущей методическую осаду превосходящими силами.

Она интересна еще и тем, что сопровождалась действиями речных флотилий, циркумвалационная линия была оборудована на речном плацдарме, а блокаду города пытались прорвать силы, численно в двадцать уступающие осадной армии. Именно под Ригой литовская кавалерия потерпела свою первую неудачу перед шведскими полевыми укреплениями.

Что было причиной падения города - слабость укреплений, гарнизона, его морального духа? Так ли уж неравны были силы? Был ли шанс удержать город? Иные историки приводят пример, скажем, длительной обороны маленькой голландской Бреды с гарнизоном в 600 человек против 18-тысячной испанской армии в 1625-1625 годах.

Можно спорить на эту тему, а можно предоставить судить о том просвещенному читателю. По сугубо личному и глубоко дилетантскому мнению автора, и у рижан, и у гетмана Радзивилла шанс несомненно был, начнись подготовка к войне ну хотя бы на месяц раньше. Шведы, напротив, потеряли три месяца на сборы в поход и почти три недели после его начала, однако их противник никак этим не воспользовался. Несоответствующими оказались и стратегические и оперативные решения военно-политического руководства, и военно-мобилизационная система Речи Посполитой, за что ответственность ложится на короля Сигизмунда, сейм и на единственного на тот период на оба союзных государства гетмана Радзивилла.

Здесь можно вспомнить оборону Пскова в 1615 году, когда его гарнизон численностью 4 тысяч воинов, то есть столько же, сколько и в Риге, имея гораздо слабейшие укрепления, сумел без помощи извне отразить штурм врага через пролом, выдержать бомбардировки и выстоять против 9 - тысячного осадного корпуса с конца июля до середины октября 1615 года. Потом пошли дожди, заморозки, в лагерях шведов начались болезни, падеж лошадей, сказались нехватка провианта, фуража, боеприпасов и наконец, упадок морального духа. Все это вынудило 20-летнего шведского короля Густава Адольфа, несмотря на весь урон престижу, отступить, когда зима уже посмотрела в глаза.

Не будем увлекаться виртуальной историей, но получи Рига подкрепление хотя бы в тысячу-две солдат, сохрани сообщение с Литвой, продержись еще месяц-два, начни литвины «подъездовую» войну, заставив осадную армию голодать и болеть, исход осады и сама судьба города и края могли быть иными. А может быть, иными стали бы и пути Восточной Европы? Как знать, не было ли падение Риги первой предпосылкой того, что Швеция устремилась на Юг, Россия двинулась на Запад, а Речь Посполитая не пошла на Восток?

Рига была малой точкой на карте Европы. Но первая победа молодого короля Швеции, которой салютовали все города и крепости королевства, подняла его авторитет не только у армии и народа, но и у союзников и противников. Позор Кирхгольма был отмщен. Неожиданно быстрое даже для самого Густава Адольфа взятие города побудило его в конце сентября перенести боевые действия в Курляндию. Но об этом — в нашей следующей главе.

Приложения

Приложение 1

«Поручаем Верности Твоей...»

«Лист пшиповедны» — королевский патент на вербовку пешей роты от Сигизмунда III, 1615 год.

Мы, Зыгмунд Третий, Божьей Милостью Король Польский, Великий Князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жмудский, Инфлянтский и Шведский, Готский и Вандальский по наследству король.

Для предупреждения опасностей от земли Московской на восточных границах государства Нашего Великого Княжества Литовского и для удержания во власти Нашей замка Смоленского, невзирая на посольство комиссаров наших для трактатов с Москвой, нынче следует силу способную и условия службы учинить для безопасности внутренней домашней от людей своевольных, что забыв неотвратимый и строгий закон Речи Посполитой, знамена подняли и покой Речи Посполитой нарушать не перестают.

Желая доброе дело поручить Верности Твоей для службы Нашей и Республике, на правах рыцарских поручаем Верности Твоей сто пехотных, определяем для того место, и из казны Великого Княжества Литовского и от налогов, в назначенное время поступивших, на каждого пахолика в месяц по четыре талера венгерских, для кухни Верности Твоей на месяц двадцать талеров венгерских, десятникам, хорунжему и барабанщику на хоругвь, барабан и сукно каразею на барвы согласно уставу.

А ту службу начать от записи писарем полным и закончить через два квартала, или же служить, пока Речь Посполитая того требует, и от нас извещения не будет.

Старайся же, Верность Твоя, быть всегда в роте своей под знаменем, собрать там людей служивых, в ремесле рыцарском умелых с амуницией пехотной, стать, где будет приказано гетманом Нашего Великого Княжества Литовского, и под его regimentом Нам и Речи Посполитой служить, потрудившись себе на славу и добро, а Нам на службу.

Требуем, чтобы Верность Твоя обычно сам при роте находился, и людей своих в добром порядке соблюдал, чтобы стоя в селах, по старому обычаю людей не били, не рубили, чужого не тащили.

Верности Твоей желаем снискать на службе Нам и Речи Посполитой славы, добра и милости Нашей.

Приложение 2

«Дивиться нечему,,»

Послание гетмана Радзивилла королю Сигизмунду от 17(27) сентября 1621 года из литовского лагеря на реке Экау в Курляндии.

«...Есть о чем сожалеть, а дивиться нечему — Рига в минувшее воскресенье в руки неприятельские перешла. Сожалеть нужно о городе, и порте, и крепости, Республике столь необходимых, о людях, Вашей Королевской Милости верных, коих там большое число, о пушках, припасах и всех неприятелю доставшихся выгодах; сожалеть и о великих народу нашему уроне и бесславии.

Дивиться нечему — лишь после окончания трактатов с неприятелем мне листы пшиповедные пришли, несмотря на все мои предупреждения. А как жолнежи до найма трудно добывались? А с какой горсткой я в поле вышел? А как без пушек, пороху и и других потреб мне было командовать? А какую силу неприятель обрел, как до моего прихода быстро со всех сторон город обложил и осаду начал? Какими трудами, тратами и кровью день и ночь замыслов своих добивался?

Дивиться приходится лишь тому, что что осажденные дольше не продержались, всего через несколько недель сдались, к вящему бесславию и пагубе своей, даже меня не предупредив, что более устоять не могут. Знаю я об их охоте воевать, - они, видя со стен, что у нас за горстка, навстречу выручке не пошли.

Пока оттуда никого не выпустили, но нечего и говорить, что раду, милицию

и шляхту, там перед осадой собравшуюся, неприятель в полон взял. Подробности сдачи, как мне представляется, не так важны, чтобы Вашей Милости доносить. Сразу извещу, как будут там мои шпионы (иметь их стало очень трудно, потому что латыши и раньше к нам не шибко были доброжелательны, а сейчас все готовы на шведскую сторону перейти.)

А покамест скажу то, что Ваша Милость и сам домыслить может. Потеря Риги нас большой подвергла угрозе, а неприятелю упорства и силы прибавила. Он таково теперь против нас действовать способен, будто бы свежее войско к нему прибыло — там ведь пушки, амуниция, порох, сукна, кони добрые, там огромные деньги и скарб, что шляхта лифляндская и курляндская в Ригу свезла, там и Литвы имущество захвачено.

Прошу Вашу Милость порадеть, чтобы и Инфлянты, и Курляндию с Литвой заслонить. Делаю и делать буду все, что смогу, однако такими силами оборонить союз не сумею. Если Ливония за святыни свои воевать будет, то и Курляндия, и Литва вооружатся. Коли все Великое Княжество к обороне не призвать, то Инфлянты неприятелю достанутся. Ежели сейчас мы в поле станем, то можно глазом окинуть все войско наше, над коим Господь справедливую длань свою простирает. Суди меня Бог, какие я здесь имею выгоды и корысти.

И во-второй, и в третий раз прошу Вашу Королевскую Милость озаботиться и помочь людьми, порохом, пушками, деньгами и всяческим подкреплением.»

Цит. по; «Ksecia Krzysztofa Radziwilla hetmana polnego Wielkiego Ksiestwa Litewskiego sprawy woenne i polityczne. Paris, 1859.» Перевод и публикация Сергея Лапшова. e-mai: lapshow@izdat.karelia.ru

Источники и литература

Bodekers Chronik liflandisher und rigasher freignisse 1593-1639& Bearbeitet von J.G. L. Naperski. Riga,1890.

Sveriges krig 1611-1632.Generalstaben. I-IV. S, 1936-1939.

Riga 1621 15/8-16/9 "Belegerung Der Stadt Riga, in Lieflandt den 15 Augusti Anno 1621. Erobert den 16 Semptember deselbigen Jahrs." Rigas fästningsverk. Svenska arméns befästa läger, circumvallationslinje och attack (truppförbandens kampement i detalj). Svensk plan för utvidgandet av fästningen antydd. Teckenförklaring. Platsen för Radziwills läger angiven.

"Declaration Welcher massen der Dürchleuchtigste, Grossmechtigste Fürst undt Herr, Herr Gustaf Adolf der Reiche Schweden, Gothen und Wenden König, Grossfürsten in Finlandt, Hertzogen zu Ehsten und Carelen, Herrn uber Ingermanlandt etc: Haben die löbliche und weitberühmte Stadt Riga, den 13 Augustj belagert, und den 16 Septembris A:o 1621, erobert un einbekommen.

1700-talet Riga 1621 15/8-16/9. "Le Siege de Riga. La Ville fut invistie le 13. Aout,

et pris le 16. Septembre 1621." Rigas fästningsverk. Gustaf II Adolfs Belägring av Riga Rigas fästningsverk. Svensk arméns befästa läger, circumvallationslinje och attack (truppförbandens kampement i detalj).

Riga 1621 15/8-16/9 På baksidan: "Gallerÿet, för Rÿgha när H.K.M:tt deth intogh 1621." Den vid Sandporten belägna rundeln Halvmånen, mot vilken den svenska huvudattacken ägde rum.

Вобан. Книга об атаке и обороне крепостей. Спб,1744.

Монтекукколи. Главные правила военной науки. Спб,1760

A.Fryxell.Gustaf Adolf.S.,1894.

U. Sundberg. Svenska kriget 1521-1814. S.,1998.

A.Korhonen.Hakkapeliitain historia.Osa I. Porvoo-Helsinki, 1936-1940.

B.Barkman, S.Lundkvist. Svea livgardet historia. S.,1936.

J.Mankell.Svenska regementenais historia. S.,1867.

D.Staberg. Various notes on the Swedish army in TYW.Part 1,2

R.Andersson.Nawal wars in the Baltic. S,1969.

List of the ships of the line of the Royal Swedish Navy. 1620-1650.Wikipedia.

A.Zettersten. Svenska flottans historia. Aren 1522-1634. S.,1890.

Ksecia Krzysztofa Radziwilla hetmana polnego Wielkego Ksiestwa Litewskiego sprawy woenne i polityczne. Paris, 1859.

J.Kunowski. Ekspedycja Inflantska 1621 roku. W opracowaniu Wojciecha Walczaka i Karola Lopateckiego. Bialystok, 2007.

J.Wimmer. Woisko i skarb Rzeczypospolitej w pierzcei polowe XVII wieku.Warszawa, 1968.

H.Wisner. Woisko litewske w polowie XVII wieku. Warszawa, 1978.

L.Podgorodecki. Rapira i koncerz. Warszawa, 1985.

R.Sikora.Wojskowosc polska w dobe wojny polsko-szwedzkiej 1626-1629.Kryzys mozarstwa. Poznan, 2005.

R.Sikora. Kropimoiza. Warszawa, 2009.

M.Paradowski. Raitaria litewska pod komenda hetmana Krzysztofa Radziwilla 1617-1622. Historia wojskowosci. <http://www/o-woine.pl>

M.Paradowski. Porownanie sil szwedzkich i litewskich bioracich udzial w walkach w Inflantach 1621-1622. Historia wojskowosci. <http://www/o-woine.pl>

R.Brzezinski.The army of Gustavus Adolfus.1,2. Osprey publishing Ltd.1991-1993.

R.Brzezinski. Polish army (1571-1699) 1,2.Osprey publishing Ltd.1993.

M.Balcerek.Oblezenie Rygi w 1621 roku. Prace zbiorjwo. Bialystok, 2010.

К.Римша.Средневековые замки Латвии. Интернет-проект.

Ю.Абызов. От Лифляндии - к Латвии. Рига,1989.

Ю.Видекинд. История десятилетней шведско-московитской войны.М.,2000.

С.Лапшов. Польско-шведская война 1625-1629 годов. Армии противников. «Рейтар» N 47-48/2010